

Старец Иона

Вступление

Вниманию читателей предлагается жизнеописание одного из выдающихся духовных деятелей России прошлого века старца Ионы, в схиме Петра, бывшего основателем и настоятелем Киевского Свято-Троицкого монастыря. В 1997 году Голосеевской пустыней была издана книга, в которой были напечатаны рукописи отца Ионы с записями его видений, а также воспоминания о нем различных лиц. Однако эта книга не содержала жизнеописания как такового, а материалы, собранные в ней — особенно это касается текстов, принадлежащих самому старцу, — были поданы в неотредактированном виде, а потому для многих читателей оказались неудобочитаемыми.

Благодаря этому возникла необходимость в написании новой книги об отце Ионе, в которой были бы использованы упомянутое издание и материалы, подготовленные для его причисления к лику святых, которое состоялось в 1996 году. Однако изначально такая книга была написана не на русском, а на греческом языке. Ее подготовку и издание осуществил монастырь преподобного Симеона Нового Богослова в Атике. Он и до этого занимался изданием книг созерцательно-аскетического содержания. Так здесь вышли в свет некоторые произведения преподобных Федора Студита, Симеона Нового Богослова, Никодима Святогорца и других святых отцов. Затем здесь узнали о русском старце Ионе и о его монастыре, который стал столпом подлинного монашества в России перед ее катастрофой 1917 года и в котором нашла себе продолжение византийская традиция исихазма и древние принципы общежития. Поэтому книга об отце Ионе и его обители должна была органически войти в серию изданий перечисленных выше святых отцов.

Основная работа по подготовке текста была выполнена игуменом монастыря старцем Христодулом, который за сбивчивыми строками рукописи увидел глубину подлинного святоотеческого опыта и раскрыл ее на страницах книги. Автор этих строк был свидетелем того, как, например, отец Христокул воссоздавал позу, в которой преподобный Иона занимался творением Иисусовой молитвы и которая была описана им самим в рассказах о

явлении Божией Матери. Оказалась, что эта поза полностью, до малейших деталей, соответствовала методу молитвы византийских исихастов. Так прослеживались нити, которые через преподобных Серафима Саровского и Паисия Величковского связали Ионинский монастырь с древним монашеством.

Над этой книгой в ее греческом варианте была проведена большая как филологическая, так и духовная работа, в которой кроме отца Христодула приняли участие все братья обители преподобного Симеона Нового Богослова, а также множество других лиц. Первые отзывы о книге в Греции были самыми положительными. Люди, читавшие ее, были поражены высотой жизни отца Ионы и обилием видений ему. Теперь с книгой может познакомиться и отечественный читатель благодаря ее переводу, выпущенному в свет Ионинским монастырем.

Часть первая

Приуготовление

Детство и юношество

Старец Иона (в миру Иван Мирошниченко) родился в 1805 году в местечке Крюков Полтавской губернии. Его родители — Павел и Пелагия — были простыми мещанами. Семья жила в бедности, и родители Ивана не могли дать ему хорошего образования. Единственное, чему он обучился в детстве — это чтению. Как и большинство других детей его сословия, читать он учился по Часослову и Псалтыри.

Начиная еще с младенческого возраста и на протяжении всей жизни Иван имел множество Божественных откровений и знамений. Он сам описывает чудесные явления некоего старца, который водил его по небесным обителям, когда он был еще младенцем. Благодаря этому Ивану посчастливилось увидеть “новую землю”, которая была чистой и светлой подобно лучезарному кристаллу, и “новое небо”. Там он удостоился увидеть Господа посреди не вечернего света. Его Божественное лицо было светлым, мирным, полным благодати, которая влекла сердце и дух мальчика к Божественной любви.

Также он стал созерцателем небесной и вечной литургии, которую совершали небожители: ангелы и архангелы, лики святых пророков, апостолов, святителей, царей, священников, мучеников и всех праведников...

То же самое видение видел Иван и позже, когда ему было семь и десять лет. Как и в первый раз, его проводником был тот же Старец, который оказался святым Иоанном Богословом. После стольких Божественных знамений, как избранное чадо Божие, он без всяких колебаний решил посвятить себя Богу. С малых лет он полюбил посещать окрестные монастыри, а в 1824 году, будучи девятнадцати лет от роду, он оставил отчий дом и пошел искать монастырь, в котором бы остался монашествовать.

Как за несколько лет до этого Прохор Мошнин — впоследствии старец Серафим — ходил в Киев, чтобы испросить совета, где ему монашествовать, так и Иван решил отправиться к святыням Киева, чтобы поклониться им и чтобы Бог, если Ему будет угодно, открыл, в какой монастырь ему следует поступать.

Поклонившись Киево-Печерским угодникам и побывав у других Киевских святынь, он начал просить Бога и Божью Матерь открыть ему Свою волю. И вот однажды, когда он молился в Успенском соборе Киево-Печерской Лавры перед чудотворной иконой Богородицы, ему неким чудесным образом было открыто идти в Саров к старцу Серафиму.

Первые подвиги

Иван немедленно отправился в Саров. Здесь его уже ждал преподобный Серафим. О встрече с ним рассказывает сам старец Иона в своем письме к обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву:

Я, исходя из мира и оставляя его навсегда, вручил всего себя Господу, Всесвятой Владычице Госпоже Богородице и всем святым и не имел в мыслях ничего иного. Достигнув Богоспасаемого града Киева, я совершил должное поклонение святыне и после этого, по указанию Божией Матери, отправился в Саровскую пустынь — не в монастырь, а прямо к тамошнему старцу отцу Серафиму, который жил в лесу в уединении. А он, выйдя ко мне навстречу, говорит: “Что ты так долго медлил? Я тебя ожидаю уже два года”. Им я был

помещен жить вместе с другим братом — его же послушником на протяжении лет четырех. Пробыл я у него без двух месяцев восемь лет.

Потом он нас обоих призвал к себе и горько-горько зарыдал. Долго плакал, а потом говорит: “Пречистая Владычица Госпожа Богородица, Прибежище наше, Заступница и Руководительница наша, благоизволила сказать и повелела отпустить вас от себя. Она благоизволила указать вам место для жития. Ты, брат Алексей, иди к старцу Феофану мудрому в Валаамскую обитель, а ты, брат Иоанн, иди в Белобережскую пустынь к мудрому старцу схимонаху отцу Федору, ученику архимандрита Молдавского Нямецкого монастыря Паисия, и будь ему верен, как мне. Однако он не будет с тобой долго — его изгонят. Тогда он отдаст тебя старцу Афанасию мудрому, которого зовут прозорливым, но ты и у него не будешь долго — через два года он отойдет в вечность. Тогда оный Боголюбивый старец Афанасий отдаст тебя опытному и мудрому старцу отцу Афанасию. Все они суть ученики архимандрита Паисия. Все сии, а также и другие вместе с ними, вышли из Молдавии, спасаясь от набегов турок из-за войны с Турцией. Потом ты долго будешь при старце Афанасии втором, а при своем отшествии он поручит тебя иному старцу — Авелю, — который таков, каков он сам.

По кончине сего последнего старца ты должен быть готов к назначенному тебе великому делу — тому, которое уготовал тебе Всеблагой Господь, Всесвятая Богородица и все святые с Нею. Ты должен будешь идти в город Киев и потрудиться там в созидании и устроении мужского общежительного монастыря — великого и дивного для всех и полезного многим спасающимся в нем во славу Божию. Ибо восхотел Господь показать и явить силу Свою и благодать в последние дни. И я предупреждаю тебя: будь недвижим мыслью, духом и сердцем твоим, оставайся всегда спокоен. Верно служи Ему и благоугождай, и на тебе совершится слово святого Пророка: *Востани спяй и воскресни*. Внемли благоугождному Владыке Господу, ибо Всеблагой Владыка, Его всенепорочная Матерь Всесвятая Богородица и множество великих святых троекратно посетят тебя и благословят на святое дело. Тогда тебе будет указано место, а ты приложи труд во славу Божию, будь готов ко всем трудностям, которые встретятся тебе на пути этого делания, не ослабевай и не изнемогай. Доверься милости Божией и помощи Божией Матери и святых, ибо они и есть и будут с тобою. Помни, что Господь Бог избрал тебя орудием Своих святых дел и исполнителем Своей священной воли”.

И сказав сие, старец помолился со слезами Господу Богу, Матери Божией и всем святым и отпустил нас, дав немного сухариков. И мы пошли по назначенному нам пути. Нелегко нам было оставлять его — своего отца и учителя. Мой брат Алексей не перенес скорби и скончался в пути, а меня грешного Господь Бог, Божия Матерь и все святые сохранили, и вот я живу до сих пор.

Со святым Серафимом Иван прожил восемь лет. За это время он научился творению умной молитвы. Тогда было положено основание его духовной жизни. Не случайным был тот факт, что святой Серафим послал его к ученикам преподобного Паисия Величковского. Как преподобный Серафим, так и преподобный Паисий со своими учениками представляли истинное монашество в России той эпохи, когда оно находилось в состоянии упадка. Преподобный Серафим и монахи так называемой аскетической школы преподобного Паисия были скорее всего исключением чем правилом в монашестве того времени. Большинство монастырей не соблюдали древних правил общежития и больше походили на мирские учреждения. Настоятели, например, мало интересовались духовным состоянием монахов, и те жили как хотели: могли свободно выходить за пределы монастыря, пропускать богослужения, иметь тесные связи с мирскими людьми и особенно женщинами и вообще нарушать общежительные начала. Практически повсеместно была забыта традиция умного делания. Весь этот упадок станет очевидным из последующей жизни старца Ионы, которая описывается им самим.

Старец имел исключительное благословение научиться истинному монашеству, чтобы затем применять уроки, полученные в молодости, в своем монастыре Святой Троицы, который стал делом его жизни.

Итак, преподобный Серафим указал двум своим ученикам, куда каждому идти. Ивана он послал в Белобережскую пустынь, а Алексия на Валаам. Алексей, как мы уже видели, не вынес разлуки с преподобным Серафимом и от скорби умер по дороге. Иван же благополучно достиг указанной святым обители.

В Белобережской пустыни

Что представляла из себя Белобережская пустынь в то время? Тогда это был один из лучших монастырей России. К концу восемнадцатого века, как и большинство монастырей Екатерининской эпохи, он находился в упадке, и Орловский епископ Досифей призвал сюда старца Василия — одну из самых замечательных личностей русского монашества того времени, — чтобы он обновил жизнь обители. В результате вокруг старца собралась избранная братия, в числе которой просияли иеромонах Клеопа, схимонах Федор, Оптинский старец Леонид, отец Серафим (в последствии игумен Площанского монастыря), отец Мелхиседек (в последствии игумен Симоновой обители в Москве), отец Филарет (в последствии игумен Глинской пустыни), отец Арсений (друг святителя Филарета Московского) и другие.

Основатель Белобережской пустыни старец Симеон принес сюда в 1725 году из Москвы икону Божией Матери Троеручица, от которой в 1831 году начали совершаться чудеса. Позже список с этой иконы стал самой большой святыней монастыря Святой Троицы старца Ионы.

Здесь следует добавить, что после блаженной кончины старца Симеона от его останков, которые хранились в серебряной раке, происходили чудеса.

Итак, именно в эту обитель пришел Иван по указанию преподобного Серафима. Однако его сразу не приняли, потому что у него не было необходимых документов. Чтобы получить их, он вынужден был возвращаться домой. Во время этого путешествия его жизнь подверглась серьезной опасности. Была зима, и когда Иван на экипаже переезжал реку, лед провалился. Юноша едва не утонул, но был чудесно спасен Божьей Матерью. В память об этом событии он сделал себе на стекле икону Троеручицы, к которой имел особое почтение и которую всегда носил с собой.

В конце концов Иван достал необходимые бумаги и принес их в монастырь. Четвертого мая 1836 года он был записан в число братии как послушник. Девятнадцатого декабря 1843 года он был пострижен в монашество с именем Иона, а двадцать шестого июня 1845 года рукоположен в сан диакона.

Из воспоминаний старца Ионы нам известно, что некоторые монахи Белобережской пустыни, особенно те, которые были при власти, сразу же невзлюбили его и начали ему всячески досаждать. Они задались целью изгнать его из монастыря, однако им не удавалось этого сделать, потому что свое покровительство ему оказывал игумен. В конце концов они добились того, что отец Иона был удален от остальной братии и заключен в своей келии. Только его старцу разрешалось посещать его. Таким образом отец Иона оказался в невольном затворе, который, тем не менее, принес ему большую духовную пользу, так что он, по его собственным словам, “был как бы вне тела”.

Когда он освободился из затвора, начались новые испытания. Старшие монахи вступили в заговор против игумена и хотели сделать своим участником и отца Иону. Тот однако отказался, вновь вызывая ненависть против себя. Его старец отец Авель к тому времени уже умер, и отец Иона не имел никакой опоры.

Заговорщикам удалось лишь поменять гостиничного и поставить своего человека — монаха Кесария. Однако не замедлило прийти наказание Божие: нового гостиничного разбил паралич, так что он не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, ни языком.

Тогда старшие монахи приказали отцу Ионе смотреть за больным и никуда от него не отходить, так что он не мог пойти даже в церковь. Отец Иона с радостью и готовностью принял это испытание.

Однако с приближением праздника Богоявления он почувствовал большую скорбь, что опять не сможет участвовать в праздничном Богослужении. Но Господь утешил его одним чудесным способом, о котором рассказывает сам отец Иона:

Целый день четвертого и пятого января мне было тяжело. Уже настал вечер по окончании Божественной Литургии и освящении воды. Принесли святую воду из церкви и нам дали. Я дал святой воды больному старцу, помочил ему голову, а также сам выпил немного и помочил голову. И се идут старцы со святым крестом и святою водою. Они и меня удостоили приложиться ко святому Господню Кресту и покропили святою водою — все также с укоризною “изверженника”. Они, святые старцы, пошли, а я начал заботиться о больном старце. Я всегда давал старцу сначала чай, а потом, немного погодя, пищу. Я сам поил его: поверну его набок и подаю ему чай, также и пищу. Затем он засыпал. Так было и в тот раз. Сам я тогда едва принудил себя принять пищу. Посидел я немного на скамеечке... Затем почитал молитвы на сон грядущим и сел заниматься памятью молитвы Иисусовой: потушил огонь и старался преодолеть вражье ополчение против меня. Однако не смог — победился... Я был сильно уязвлен сердцем в своей скорби — даже до ослабления. Совершенно слег, едва дух переводил, и так лежал почти без памяти, как пласт, и мой дух едва был во мне. Было и немного слез, и какое-то тяжелое давление духа, так что я никак не мог укрепиться и не поддаться сему давлению. Лежал, и у меня была только одна мысль, только об одном я просил Господа Бога, Божию Матерь и всех святых: помогите же мне в сей час отчаянной скорби. Слабость моего духа была очень велика. Так я себя тогда чувствовал.

Помню теперь, что человеческому естеству невозможно было перенести всего того ощущения, какое было у меня: тяжесть и ослабление всего тела и духа, которые угнетали невыносимо. Аще не Господь Бог, Матерь Божия и все святые не помогут мне и не поддержат меня — кто тогда поможет? Так я лежал. Потом пришла мысль, что вот уже скоро будет благовест к праздничному всенощному бдению. Вся братия в святом храме Господнем, молится с Ангелами Божиими и еще будет молиться, а ты до чего низведен?! Смотри, какое твое бытие и какой тебя ждет конец. Ты не увидишь праздничного Богослужения и се уже при дверях твое изгнание из святой обители. И вот тут-то горесть и слезы начали давить меня, едва не до исчезновения духа.

Так лежал я, и у меня совсем не было сна, да и откуда он мог прийти ко мне, бывшему в таком состоянии. Ударили в колокол... Святое Богослужение было начато в десять часов. Мне стало еще тяжелее: все братья будут в церкви, а я и теперь не могу там быть, — и слезы полились из моих очей. Я все двери келии немного приотворил, и вот кто-то входит ко мне и говорит: “Благодать, милость и мир Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа zde со входом Его есть”. Я лежал на боку и подумал, что это пришел проведать нас другой гостинник, бывший помощник отца Кесария. Лежу как пласт с закрытыми глазами.

Пришедший стал поодаль от меня и говорит: “Добр воин, но малодушен, и терпения не имеет — трусливый воин”. Коснулся своей рукой моей левой руки и говорит: “Почто ты опять вдаешь себя в обуравание и изнеможение — егда ли оставлен? Восстани на ноги и прими силу и бодрость духа,” — и взял мою руку. Я не уразумел, кто это был, но очей своих так и не открыл, как у меня есть обычай (в потемках глаза у меня всегда закрыты). Я все думал, что это пришел гостинник, да еще и негодую на него, почему он меня тревожит, — мне и так горестно, а он еще прибавляет мне скорби. Но когда я открыл глаза, то увидел

великий свет и Его сияние. Я ужаснулся, упал замертво и ничего не чувствовал, не понимал и не помнил. Я совершенно не знаю, долго ли было сие со мною, а только почувствовал на своей грешной голове чью-то руку, от которой по всему моему телу потекла жизнь.

И Он, сияя светом, говорит: “Дух его в нем есть”. Он придвинул к Себе чурбан и сел, а также мое окаянство придвинул к Себе, к Своим пречистым Божественным ногам, так что мое скарედство видело Его до колен. И Он говорит: “Что тако оскорбился еси?” И я, окаянный, наконец-то ясно узрел и познал Господа Бога Спаса моего Иисуса Христа. И Он говорит мне ласковое слово, исполненное милости, любви, сладости и жизни: “Смотри и осяжи Мои руки, ноги, язвы Моего ребра и познай, яко Аз есмь не привидение... Аз язвами Моими приидох врачевати тебя, также как и других подобных тебе малодушных”. И благоизволил Всеблагой Владыка показати руки, язвы, гвоздинные раны: глубокие и великие, — Свои кровавые ноги, на которых раны были еще более глубокие, великие, окровавленные, живые, как сейчас прободенные, потом Свое Божественное ребро и говорит: “Смотри, не бойся, осяжи, посмотри, приидох бо спасти человека”. И рана в правом боку была глубока, широка, длинна, свежа, окровавлена, как сейчас прободена. “Не бойся, смотри и виждь всего Меня — зело бо люблю людей, и веселит Меня чин монашеский, и люблю иноков до конца.”

И я, окаянный, не смел к Нему прикоснуться. Но Он, Бог сый, благоизволил взять Своей десницей мою руку и поднес мои персты к язвам рук и ног, а также к своему Пречистому и Божественному ребру. Ужас и страх поразили меня. Он Бог и до кого снизошел! О Боже мой, Боже мой! О глубина и богатство мудрости Твоя! Восхотел еси спасти бренного и ничтожного человека. Когда я помыслил сие, Господь говорит мне: “Таковы суть дела Мои и воля и хотение, чтобы всем спасенными быти и помогать благотекущему в напастях. Я пребываю со скорбящими, гонимыми и страждущими. С радующимися Я сорадуюсь, и если кто имя Мое кто-либо где-либо помянет, тамо Аз есмь. И ты, Боголюбивый иноче, отселе бодрствуй, стой твердо и мужественно, и никогда не впадай в малодушие, ибо Аз есмь с тобою...”

“...Паки тебе глаголю: не мни и не помышляй, яко бы Я далече есмь от тебе, и не попусти сего, да не остынет дух твой, всегда бо с тобою есмь.”

И возложи Всеблагой Бог Божественную длань десныя руки Своея на скверную главу мою, и рече ко мне, обратя Свое Божественное лице к лежащему больному отцу Кесарию: “Не успеша, но изнемогоша... Сие тако есть в человецех. Послужи ему в болезни его до конца, ибо ему бысть сие во спасение”. Затем Он обратил Свое Божественное лице ко мне и говорит: “Дерзай, проводи нас мало”.

И вышел Господь со всеми во двор и стал тамо, где стоит святой образ Всесвятых Владычицы Господи Богородицы Троеручицы, стал прямо пред образом и говорит: Чти ты и все верные, приемшие искупление Моею Кровию, святой образ Пречистых и Всесвятых Матери Моея... Достойно бо есть и праведно чтити Ее, равно как и святой Ее образ, се бо миру спасение дарова! Весь мир спасен Ею бысть, и Ею вси любящие Бога спасаются и спасутся”. И я сказал: “Аминь”...

И выйдя из ворот, Господь сил стал прямо святых врат обители и глаголет: “Величают Всесвятую Матерь Света на девятой песни”. И ударили в колокол и било к девятой песни...

И светлое облако подъяло вверх Господа Славы. И был великий и неисповедимый Свет от сияния Славы Господней. И я возвратился в келию в страхе и умилении души сердца моего...

Между тем пришло время совершиться предреченному преподобным Серафимом, то есть что отец Иона будет призван совершить священное дело основания новой обители, которая должна была жить по истинным монашеским правилам, как те переданы от Святых Отцов.

Пришло время, чтобы ему трижды явилась Божия Матерь и подвигнула его к этому священному служению. Эти небесные явления описаны самим отцом Ионой. Необходимо отметить, что во время чудесных видений отец Иона всегда пребывает в священном делании умной молитвы. Положение его тела, в частности, полностью соответствует соответствующему учению византийских монахов-исихастов, которое он перенял от преподобного Серафима и учеников преподобного Паисия Величковского.

Часть вторая

Противодействие воле Божией

Первое посещение Божией Матери

Это было в мае или июне не помню хорошо какого года — 1847 или 1848-го. День был воскресный или праздничный, а какой именно праздник был — не помню, так как я никогда не делал никакой записи или замечания и жил себе спокойно, предавшись во всем воле Божией и святому послушанию, никогда ничего иного не избирая в уме, сердце и душе и ни о чем никогда не помышляя. Был покоен своими духом, умом, сердцем и совестью перед Богом и святой обителью.

У меня даже мысли никогда не было о перехождении куда-либо в другую святую обитель, потому что я знал и чувствовал свою неспособность и невежество. Одно всегда было у меня на сердце, уме и душе: как бы послужить Господеви, благоугодить Ему и всего себя ему сохранить, любить Его неизменно всем сердцем, всею душою и всеми чувствами, всегда пребывать истинно и в истинной любви к Нему, желая всегда во всем быть угодным Ему...

Итак, после праздничной трапезы я пришел в свою келию, совершил по обычаю святые благодарственные молитвы ко Господу Богу, Матери Божией и всем святым с поклонами, как мне было указано от старца, снял с себя монашескую одежду, сложил ее, потом скинул с ног башмаки и остался в одних холщовых чулках. Двери келии были закрыты на крючок. Я сел в средней келии на скамейке, опершись локтем на стол, стоящий возле края скамейки. Правой рукой оперся в правый висок. Был я в белом холщовом халате. Ноги поджал к себе и, слегка упершись в стенку, сидя занялся молитвой Иисусовой, держа четки в левой руке. И так благодатью Божией продолжал молитву Господню. Пробыл в сем делании может быть несколько минут или полчаса. Мысль была одной и тихой, управляемой в сие делание.

И вот вдруг кто-то за дверями в сенцах передней келии творит молитву. Тонкий голос произносит слова: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас”. Я слышу, но молчу, не отвечаю. Потом второй раз кто-то так же творит молитву, и я опять не отвечаю “Аминь”. И вновь тонкий голос творит такую же чистую и пространную молитву, но я опять не отвечаю, потому что он похож на женский голос. После этого отворяется дверь передней келии и вновь раздается голос, творящий молитву: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас...”

Я с гневом взглянул на двери, так как сидел на скамейке прямо напротив них. Однако, посмотрев, ужаснулся и упал на пол со скамейки мертв, совершенно не чувствуя в себе жизни, и был как мертвый труп. Ничего не мог увидеть и запомнить, и только когда рука пришедшего коснулась моей головы и лба, жизнь влилась в меня. И тонкий голос говорит: “Дух в нем есть”. И я от того пришел в себя. Лежа на полу посреди келии, я открыл глаза и увидел страшное и ужасное видение — стоявшую надо мной Всесвятую Владычицу мою Госпожу Богородицу и с Нею еще кого-то в тени. Сияние света было ужасно велико. И Она говорит ко мне скаредному: “Восстани и стани на ноги свои. Ибо мы со всеми святыми, которые со Мною, пришли к Тебе возвестить дело святого послушания, да примеши труд,

потрудишься в нем и послужиши Господу Богу, благоизволившему явити в тебе сокрытую тайну, сущую от века...”

И я, окаянный, лежа ниц у пречистых Ее ног, как мог дерзнуть встать? Очень, очень вострепета душа моя во мне, и как не исчез дух мой во мне?..

И тече ко мне Многомилостивая Владычица: “Дерзай, ободрись и стань на ноги”. И взяв меня Своею Божественною рукою, подняла меня. Но я, окаянный и наихудший из всех людей, не смел стать на ноги, стоял на коленях и явственно увидел всех благоизволивших прийти сюда со Владычицею: Божественных святых апостолов Петра, Павла, Иакова, Иоанна, Луку, святителя Христова Николая, святого великомученика Георгия Победоносца, святых великомучениц Варвару, Екатерину, святую мученицу Февронию и преподобную мать Евфросинию, игуменью Полоцкую. Все предстояли Владычице Богородице в великом благоговении, смотря на меня, гнусного и окаянного человека.

“Слыши, Боголюбивый иноче, и трезвись. Ободрись, и отверзу уши твоего сердца. Всеблагий, Всесильный и Многомилостивый Господь Сил, Господь Бог, Мой Сын благоизволил явити в тебе Свою милость ко всем любящим Его. Да совершишь волю Его и исполнишь Его Божественное хотение, чтобы явити славу Его в последние дни рода сего. И явиши пред всеми Его святое имя, силу, крепость, величество, милость и благоволение в человецех, живущих ныне на земле и всему роду по ним... Избрал тебя Господь Бог, Сын и Бог Мой орудием Своего святого дела и благоизволил послать Меня и сих святых, которых ты видишь предстоящими со Мною, к тебе” И начала Святая Владычица возглашать их всех по имени.

“Тебе нужно оставить сию святую обитель и прийти на иное место, да послужишь Ему там и совершишь Его Божественную волю. Его же Божественная воля состоит в том, чтобы на месте, которое тебе будет показано, была устроена обитель во имя святое Его. И да соберутся в ней Боголюбивые иноки прославлять Его святое имя, служить и благоугождать Ему. А ты, слыша сие, не возмущись от словес сих. Знай, что Господь Бог, Сын Мой, будет там, и Аз там буду. И пребудем там во веки. Бог поставит тебя там лишь орудием, все же делание принадлежит Ему...”

Услышав сие, я пал — пал к Пречистым Ее ногам и, слезами омочая пол, говорил: “Молю Тебя, Всесвятая Владычица, остави мя здесь почить и положить кости моя во обители на все веки. Имею бо себя скудоумна, нища, худа, грешна и на всякую слабость и страсть немощна. Делу же сему требуется муж правды, исполненный мудрости и силы, ума, смысла и разума, духовно просвещенный свыше Божественной благодатью, добронравный и благоискусный деятель, имеющий свидетельство от своих жития и дел. Муж, исполненный веры, надежды и любви. Аз же всего сего в себе не вижу и совсем не имею. Я неподготовлен к сему священному и великому делу и непосвящен в Святое Писание. Вижу себя крайне невежественным и совершенно неискусным и неопытным в деле устроения. И паки, Владычица Всесвятая Богородица, Мати Милостивого Бога и Сама Милостивая, молю Тебя: остави меня здесь окончить дни жития моего.”

Всесвятая Владычица Госпожа Богородица говорит мне: “Напрасно ты беспокоишься и сопротивляешься воле Всеблагого Бога, хотящего благоустроить дело благое, полезное и спасительное верным Его людям и явити всесвятое имя Свое в человецех... Вспомни все, что встретил Савл, дышавший противлением и гордостью, бывший против Господа Иисуса Христа и гоня Его Святую Церковь и верных рабов. Се он здесь ныне предстоит тебе, спроси его, и он тебе все повест. Ибо он испытал тогда силу Божию, и оттоле есть святой апостол Христов Павел, Его верный раб, слуга и проповедник. К тому же еще скажу тебе, что тебе здесь жити уже бесполезно. И не сопротивляйся Сыну и Богу Моему, а также Моей воле и желанию. Иди и потрудись, и благо тебе будет.”

Я опять начал просить Владычицу оставить меня здесь...

И рече Владычица ко мне скверному: “Подумай хорошенько и помни, что Я тебе худого не мыслю, а ищу тебе благо, как и всем другим”. И Владычица, все мне сказав, вновь говорит: “Послушай, подумай и размысли, а Я к тебе опять приду”.

И так Пречистая вышла из келии и говорит мне: “Проводи нас”. Выйдя из келии и сенец на крыльцо вместе со святыми, Она обратилась ко мне окаянному и говорит: “Поразмысли, а Я вновь буду у тебя”. И я, окаянный, поклонился к ногам Владычицы, но не восхотел покориться воле Божией и Богородицы. Поднялся на ноги и увидел Ее, шедшую к церкви через паперть...

Второе посещение Божией Матери

Прошло немного времени, и Божия Мать, как обещала, вновь посетила преподобного Иону. Это посещение почти полностью похоже на первое:

Помню, был какой-то праздник, как будто Святой Троицы, в воскресенье. После трапезы помолился я Богу, Матери Божией и всем святым, разделся, скинул башмаки, оставив на себе только белый холщовый балахон и чулки. Взял четки и сел на скамейку, поджав под себя ноги. Облокотился на правую руку, приклонившись спиной к стене, а правым боком к угольному столику, который стоял под святыми иконами. Ни о чем не думал и не помышлял, забываясь только о молитве Божией, и занялся молитвой ко Господу Иисусу Христу.

И когда прошло немного времени, минут пять, слышу тихий, ясный, чистый голос и слова святой молитвы: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас”. Я слышу и молчу. Потом второй раз — я молчу. Третий раз — я опять молчу. Но для меня это было уже тягостно. Во мне появился гнев, что кто-то по самочинию мешает мне в молитве Божьей, и я думаю в себе: постучит, да и уйдет. Но нет. Потихоньку келейная передняя дверь отворяется, и тут входит Святая Владычица. Я, окаянный, узрев Ее, ужаснулся страхом великим и мертвым, упал со скамейки на пол, и что со мной было — не помню. Я был совершенно без жизни и чувств... Когда же рука Владычицы Всесвятой Богородицы коснулась моей головы, сейчас же по всему мне и во всем мне потекла жизнь. И слышу я, как тонкий, нежный и чистый голос говорит: “Дух его в нем есть”...

Она, держа Свою руку на моей голове, говорит: “Встань и стань на ноги”. Святая Владычица взяла Своею правою рукою мою руку и подняла меня. Но я, окаянный человек, не смел стать на ноги и стоял на коленях, потупив очи долу и слушая Ее великие словеса, исполненные материнской любви: “Се паки приидохом к тебе, исполняя завет Господа, Сына и Бога Моего, Спаса всех. Како размыслил еси о себе и о послушании, к которому призывает тебя Господь Бог?” И я отвечал: “Об одном прошу Тебя, Всемиловитая Владычице Госпоже Богородице, умиловитися ко мне, чтобы мне навсегда остаться на сем месте, где ныне есмь”. Всесвятая же Владычица, истинная Промыслительница блага для всех, не возгнушалась мною окаянным и рече: “Напрасно волнуешься своим сердцем, суетным помышлением и колеблется ум твой. Разве Я хочу тебе зла или тщусь погубить тебя? Тогда Я говорила тебе, и ныне то же самое говорю: Благоизволил Господь Бог открыть тайну, которая была издревле, чтобы на горах и месте оном был устроен дом во имя Святое Его, и се прииде время... Восхоте Господь дати тебе дело сие, еже избра. Господь избрал тебя орудием... Помни и разумей: ты только орудие, а все дело, труд и попечение принадлежит Ему... Вот, смотри, святые, пришедшие со Мною, свидетельствуют все словеса Мои к тебе”.

Я, окаянный, возрел и увидел всех святых, предстоявших в неисповедимом величии, какого никаким словом нельзя выразить. Святая Мария Магдалина, святая первомученица Фекла, Варвара, Екатерина, святитель Христов Николай, Георгий Победоносец, Федор Тирон, Федор Стратилат, святая царица Александра, святые апостолы Петр, Иаков, Иоанн, Лука, Симон Зилот и Иаков, первый епископ Иерусалимский, святой Иоанн Милостивый, святой равноапостольный Константин, Великий Владимир, Александр Невский, святая

Ольга. Все они стояли в великом благоговении и молчании, внемля словам Владычицы. Я же, окаянный, все об одном просил: оставить меня здесь...

Тогда Святая Владычица по-матерински говорит ко мне: “Будь внимателен, смотри хорошо, потому что лучше тебе покориться Господу и всесвятой воле Его. Здесь, в святой обители сей, будет великая перемена, и она ослабевает в управлении и обычаях. Сюда придут иные правители, которые будут держаться новизны, следуя своему мудрованию. Они внесут новизну и зело приблизятся к мирским людям, которых введут к себе. И соделаются здесь среди братии молва, шатания и озлобление. Будут сражаться против праведных и поносить старцев... Будут говорить: что нам слушать этих злых старцев. Они свое отжили, и теперь наступило наше время. Не будем внимать их жизни и слову. Наше учение лучше, чем их... И если эти старцы хотят быть в мире с нами, пусть идут вслед нас, тогда им будет от нас покой. Наш путь прекрасен, и мы идем по нему, потому что он хорош для нас. А путь тех старцев ныне всеми отвержен, и кто их послушает? Никто!”

Все сие изрекла Всесвятая Владычица во всеуслышание. “Вот, Я предвозвестила тебе все, что должно здесь произойти. Я опять приду к тебе, а ты подумай”. Исходя из келии через сенцы на крыльцо, Владычица опять обратилась ко мне скаредному: “Буди с миром, Я паки приду к тебе”. И я упал к Ее пречистым стопам. Однако Она уже отошла. Я долго стоял и смотрел вослед, но никого уже не видел...

Третье посещение Божией Матери

В один будничный день после литургии я пришел в келию, помолился Богу, разделся, сел и по обычаю занялся Иисусовой молитвой. Как всегда, сидя на скамейке, начал молитву. Прошло немного времени — не больше часа, — как слышу за дверью передней келии голос: “Молитвами Святых Отец, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас”. Голос был тонкий, чистый, ясный. Один раз сотворил молитву — молчу. Другой раз — молчу. Третий раз — молчу. Тогда дверь отворяется и входит Святая Владычица Госпожа Богородица. Узрев это, я, окаянный, замертво повалился со скамейки на пол. Не знаю, долго ли это было со мною, только я стал ощущать жизнь, когда рука Владычицы была на моей скверной голове. Жизнь, как молния, пронзила всего меня.

Владычица изрекла слова: “Дух его в нем есть”. Она повелела мне, скверному противнику, встать на ноги. Но как могло встать мое противное окаянство?! Сама Всесвятая изволила взять меня за левую руку и, поставив меня на ноги, говорит ко мне по-матерински ласково: “Видишь, пришла Я и со Мною святые. Смотри на них и ободрись, иное, потому что мы пришли от Святого по послушанию, чтобы и ты совершал святое послушание. Не бойся того, о чем Я тебе говорю. Вот уже третий раз Я прихожу к тебе и ухожу за святое послушание, ибо зело люблю его и тебе желаю пребывать в нем. Ибо великую радость, веселие и утешение приносит святое послушание истинно проходящему его”.

В это посещение Святой Владычицы и моей Попечительницы пришли также: святой Иоанн Предтеча, Божественные апостолы Петр, Иаков, Иоанн, Павел, Лука, святитель Христов Николай, святой великомученик Георгий Победоносец, святая великомученица Варвара, святая великомученица Екатерина, святая мученица Феврония, святая первомученица Фекла и преподобная мать Евфросиния, игуменья Полоцкая...

Тогда святой великий Креститель Господень Иоанн Предтеча, исполнившись Божественной ревности, обратился ко мне окаянному и сказал: “Слыши, ты, наверное, читал или слышал обо мне, когда Владыка Создатель и Господь Вседержитель, как Агнец Божий, кротко и смиренно благоизволил прийти ко мне. Я сопротивлялся Ему, говоря: “Чего Ты требуешь от меня? Ты еси мой Бог, Владыка и Господь... Ты — огонь, а я — сено. Могу ли я прикоснуться к Тебе?” И что же я успел? Он повелел мне исполнить всякую правду. И я со страхом великим, за послушание, все исполнил и совершил: возложил тварную руку мою на главу Творца всяческих и Владыку Господа Бога моего”.

Я слушал, стоя уныло и молча. Потом обращается ко мне скарредному святой ревнитель Божественный апостол Павел и говорит: “Я знаю, что ты читал и слышал обо мне и моей ревности в иудействе, как я много гнал Церковь Божию и ее святых и с какой надменностью и гордостью шел в Дамаск гнать и разрушать Церковь Божию, а также вязать, ввергать в темницу и мучить святых. И когда я так дышал злом и шел тем путем, внезапно великий свет поразил меня и ужас объял все мои кости. И вот из облака раздался кроткий, тихий, животочный, исполненный любви и жизни глас: “Савле, Савле, почто Мя гониши?” И я, слыша голос, исполненный смирения, кротости, любви и жизни, впал в страх и ужас. Как Господь Бог не поразил меня? Тогда исчезли все мои гордость и надменность...Так ныне и ты научись покоряться милости и благодати и любви Всесвятой Владычицы, пекущейся о благе всех верующих во имя Господа Бога Спаса всех Иисуса Христа...”

И когда я, окаянный, слушал все сии словеса Божии от Матери Господа и великих святых, мое сердце и мой дух зело умилились, и я смирился пред Господом Богом и Всесвятой Владычицей и Матерью Господа Бога моего и ужаснулся о своем упорстве. Как огонь не сжег меня окаянного?..

Потом опять Владычица говорит ко мне окаянному: “Теперь узнай, что здесь может быть: первое, начальницы здесь будут имущие страстные ум и очи, ласкательные, любящие мир и плоть и плотопитательные. Слух у них будет закрыт, очи смежены — ясно видети не смогут. В любви к Богу, ко хвалению и славословию своего Владыки Господа будут хладны, невнимательны; в служении святого послушания тяжести, презрительны, мало пекущиеся о спасении братии и иных. С ними войдет все мирское и мирские женщины. О благоустройстве святых обители, о благообразии братии и благочинии, о правожительстве у них будет небрежение. Вволю будет сикера и вина. Старцы и правожительствующие, заботящиеся о выполнении сокровенного учения и пекущиеся о правом жительстве по Бозе — старые, средние и юные — не будут терпимы, но будут укоряемы, а иные и изгнаны развратителями, говорящими к ним: “Аще хотите зде быти, живите и делайте так, как мы живем и творим, а вашего мы терпети не будем и не попустим”. И таковые будут под великим гнетом, в поношении и порицании. Ты же малодушен, и сих всех и иного многого тогда понести не сможешь. Сего ради Всеблагий Бог Своею Божественною благодатию восхотел извести тя отсюда и дати тебе дело Его святого послушания, да послужиши Ему верно и совершиши Его святое дело”.

И я, окаянный, сказал Владычице: “Разумею великую и неисповедимую благодать и милость Божию ко мне окаянному. Разумею себя скудоумна и никакого дарования в себе совершенно не имуща, а также бессильна и немощна. Опыта никакого ни в чем я не стяжал и вижу себя невежественным и неспособным. Я не отрицаюся и готов бы исполнить волю Божию, но вижу, каков я, и ужасаюся”.

Паки рече Владычица: “От тебя только одно нужно: покорность и благосклонное произволение ко принятию святого послушания — сего единого ищет и требует от тебя Господь...”

Услышав все сие, орошая от умиления землю гнусными моими слезами, я поклонился Владычице и сказал: “Буди воля Господня со мною окаянным. Я во всем покорюся и молю: Владычице Госпоже Богородице, Мати Умного Света Господа Бога моего, не остави меня. Милостивая Покровительница, Руководительница и Наставница, всегда и во всем буди мне покровом, ибо на Тебя все мое упование. Учи меня и храни, ибо я немощен и безумен...”

Тогда Всесвятая Владычица благоизволила сказать мне многое о многом. Мои сердце и дух ожили во мне. Ум стал светел, как будто я вдруг переродился. Стало мне легко. Я почувствовал в себе свежесть и бодрость, как бы вновь на свет родился...

И рече Владычица: “Мир ти буди всегда от Господа Бога Славы”. И все перекрестились три раза и поклонились в пояс ко образу Спасителя, стоявшему в углу келии. Потом Владычица Всесвятая Госпожа Богородица говорит мне: “Будь всегда к Богу, и Господь Бог будет с тобою, и мир Его навсегда почиет в тебе, на тебе и на твоих во веки”. Святии

Апостолы оба сказали ко мне: “Рцы: Аминь”. И я сказал: “Аминь”. Потом Владычица благоизволила подати мне десницу, и я скверными своими устами поцеловал оную, и Она говорит ко мне: “Проводи нас”.

И, выйдя из келии в сенцы, Она изволила стати на крыльце, а вместе с Нею и остальные. У меня же внезапно появилась мысль спросить: “Владычице, где будет имя Господне и Твое славиться?” Она же, оборотясь ко мне, указала рукою Своею на юг: “Град Киев, и место оное недалеко от святой Лавры, на холме над рекой Днепром. Ты увидишь над ним столп огнен стоящ, и затем опять место оное будет показано тебе огнем. Не бойся!” И я пал и поклонился Владычице, а Она вместе со святыми стала невидима.

Часть третья

Подчинение воле Божией

Приход в Киев

Итак, отец Иона наконец решился подчиниться воле Божией и, к великой радости старшей братии Белобережского монастыря, пойти в Киев. Он оставил свою обитель и в 1847 году пришел в Киев. Его немедленно принял Киевский митрополит святитель Филарет (Амфитеатров), который с первого момента их знакомства полюбил отца Иону.

Святитель Филарет, как известно, был монахолюбом и ревнителем духовной жизни. Он предложил отцу Ионе стать насельником Киево-Печерской Лавры.

Однако Лавра в то время была огромным и шумным монастырем со множеством монахов. Поэтому отец Иона, который любил покой, не захотел оставаться в Лавре, и митрополит Филарет предложил ему Михайловский монастырь. Однако и тот был центральной обителью, которая не могла удовлетворить духовных запросов отца Ионы.

В Никольском монастыре

Таким образом выбор отца Ионы остановился на обители святителя Николая. Он был записан в число братии третьего августа 1851 года.

Настоятели этого монастыря не жили в нем и практически не занимались духовными и материальными нуждами братии. Согласно установившимся тогда правилам они занимали должность ректора Киевской Семинарии, и это было главной их обязанностью. Часто они становились ректорами Киевской Духовной Академии и тогда назначались игуменами Братского монастыря. Отсюда следующим шагом в их карьере был сан викарного епископа при Киевском митрополите. Их место в обители Св. Николая заполнялось игуменами Выдубицкого монастыря. Таков был порядок того времени, который с духовной точки зрения был, конечно, беспорядком, в результате которого возникал разлад монашеской жизни: монахи, например, не имели общей трапезы и все свое свободное время проводили вне монастыря, предаваясь пьянству и прочим непотребствам.

Однако и здесь отец Иона жил как отшельник: ничего не видел и не замечал. Единственной его заботой было спасение собственной души.

Двойное чудо с диаконом Флавианом

Однажды игумен монастыря отец Нектарий благословил отцу Ионе принять себе в послушники одного новопостриженного монаха — отца Флавиана. Тот сначала с ревностью подвизался под руководством отца Ионы и вскоре даже был рукоположен митрополитом Филаретом в диаконы. Однако по прошествии времени он начал посещать Лавру и познакомился там с некоторыми из числа старшей братии. Начал с ними пить и впал во

множество грехов. Некоторые из его компании дошли даже до богохульств. Что ни пытался предпринять отец Иона, чтобы вразумить Флавиана и его компанию, — все было безрезультатно.

Наконец, после последней попытки вразумить монахов, которые вновь не придали его словам никакого значения, он сказал им со строгостью, чтобы они приготовили гроб для Флавиана, потому что завтра он умрет, если сейчас же не покается.

Однако в ответ получил только насмешки. На следующий день все друзья отца Флавиана в великом испуге пришли к отцу Ионе и сказали ему, что диакон тяжело заболел и что все его лицо и тело почернели. Однако отец Иона отказался пойти к больному, пока все, в том и числе и Флавиан, не покаются в своих богохульствах. Друзья диакона вернулись к нему и передали слова старца. Тогда тот со слезами раскаялся. Придя к больному, отец Иона приказал ему прочитать Символ веры, а затем сказал, что Бог прощает его. Немедленно лицо и тело больного, которые до того были почерневшими, посветлели. Тот, который до сих пор лежал неподвижный и едва дышал, встал и почувствовал себя хорошо. Его друзья сильно обрадовались и решили не совершать над ним таинства Елеосвящения. Однако отец Иона сказал им, чтобы они совершили Елеосвящение и причастили его, потому что он в любом случае уйдет из этой жизни сегодня: “Жить ему уже здесь будет не на пользу, ему теперь и там будет хорошо”. И действительно, в тот же день отец Флавиан в мире отошел ко Господу.

На Крымской войне

В 1853 году началась Крымская война, о которой преподобный Серафим Саровский предрек: “Некогда на Россию восстанут три державы и много изнурят ее. Но за Православие Господь помилует и сохранит ее”.

Отец Иона сильно сопереживал тем, кто пострадал в боях, и молился о всех воинах. Однажды, когда он телом находился в своей келии, а умом — на полях сражений, с ним произошло одно поразительное чудо, о котором он сам и рассказал:

Посещение произошло следующим образом. В Крыму, Балаклаве, Севастополе и до самой Черной речки в Крыму шла тяжкая, убийственная, зверская и варварская война, в которой принимали участие турки, англичане, французы, сарацины и с ними многие другие. Австрия, искупленная от разорения со стороны Венгрии христианскую кровью российских воинов, тоже лгиво и коварно была в согласии с иными безбожными народами. Война была единственно за веру и благочестие, во имя Господа Бога Иисуса Христа и Его священных заветов.

Я был тогда в Никольском монастыре и служил в числе братии. В свободное время я занимался пустынно-ремеслом — изготовлением деревянных ложек. Эти свои изделия — ложки — я неустанно передавал для ободрения и утешения покойного в Бозе и очень любимого мною Государя Императора Николая Павловича. Я любил его как агнца Божия: кроткого, разумного, Боголюбивого ревнителя благочестия, святого Православия и веры в Спасителя Господа Иисуса Христа. За эту самую любовь его к Господу я делал для него ложки и передавал их через его добрых Боголюбивых сыновей: великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, а также через моего бывшего послушника Стефана графу Орлову или графу Толстому, которые были при Государе Николае Павловиче, когда он изволил бывать в Киеве.

Когда началась война в Крыму, он изволил приказать им всегда быть ласковыми ко мне, и я им передавал все, что успевал сделать. Наград или каких-либо денег или чего-нибудь другого я совершенно не брал, а когда он изволил что передавать, то я назад отсылал и не принимал, а делал все из любви к Богу и великому государю Николаю I. Так было несколько лет, до самой его блаженной кончины.

После поздней Божественной Литургии, часов в двенадцать дня, я сидел в своей келии и делал ложки, со скорбью думая о страшной Крымской войне. Вдруг слышу, как кто-то за дверьми моей келии творит молитву: “Молитвами Святых Отец наших, Господе Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас”. Голос тонкий, женский, чистый и ясный. Слышу и молчу. Знаю, что ко мне никто никогда из женского пола не ходит. Слышу — творят молитву еще раз — и молчу. Третий — тоже молчу. Тогда дверь сама отворяется, а у меня всегда было правило дверь держать на крючке.

Входят в келию три лица женского пола. Войдя в келию, они стали перед иконою Божией Матери Троеручицы, перекрестились и положили три земных поклона образу Божией Матери. А я сижу, никакого внимания на них не обращаю и гневаюсь в сердце моем — зачем женщины посмели зайти ко мне — монаху, вовсе им незнакомому. Сижу, думаю и занимаюсь своим делом. Они же, помолясь Богу, обращаются ко мне и говорят: “Спасайся о Господе, отче”. Я вижу их всех в простом одеянии, как старые простые женщины одеваются, с платочками на голове. Одна из них говорит: “Мы пришли к тебе, отче, чтобы ты пошел с нами в путь и потрудился послужить крымским страдальцам — раненым воинам. Тогда я поднялся, стал перед ними и говорю: “Да можно ли мне идти так далеко, и бумаги я не имею”.

Первая из них говорит: “Ты только имей любовь к Богу, а у Бога все возможно — бумаг никаких не надо. Пойдем, послужим им и опять назад придем. И с собою ничего не бери — у нас все есть. Возьми разве только два или три полотенца — будешь их язвы омыwać, отирать и обвязывать. Все остальное мы взяли”. — “А долго ли мы там пробудем? А как братья увидят, что я с бабами — женским полом — расхаживаю, то страшно соблазнятся и не потерпят мне сего.” — “О нет, сего во век не будет. Мы сего же дня опять здесь будем — сделаем дело святого послушания, послужим больным и сегодня же воротимся назад.” Старшая из них опять говорит: “Помолимся Господу Богу, да подаст нам силу и помощь послужить Ему в рабех Его, Боголюбивых воинах, ратующих за святое имя Его, святую веру в Него и благочестие”. И говорит мне: “Чти молитву”. И я прочитал молитву “Достойно есть”. Все положили крестное знамение и земной поклон. “Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне...” до конца — и опять положили поклон; “Господи помилуй” трижды, “Благослови” — поклон. “Аминь”. Первая говорит: “Господи, благослови наш путь”. И все, положив крестное знамение, вышли из келии. Я запер келию на замок и пошел за ними.

Мы вышли во двор и стали отходить от келии. Отойдя немного, я оглянулся, — а келии уже не видать. Взглянув вперед, вижу, что мы стоим перед очень большим зданием, на стене которого висит доска с надписью: “Здесь больница раненых воинов, пострадавших за Христа, святую веру и отечество, Богом хранимую Россию”. И первая говорит мне: “Слава Богу, мы пришли. Пойдем внутрь к этим святым страдальцам”. И, войдя внутрь, я увидел очень большую, светлую, просторную, длинную комнату вроде коридора. По обе стороны направо и налево в три ряда были палаты, а в них постланы чистые и мягкие постели. В первой палате лежали тяжелораненные: у кого руки нет, у кого ноги, у иного разорваны внутренности, а у иного оторвана нижняя челюсть, у иного нос и глаз вырваны, а у иного человека рассечена голова.

Прежде мы обошли и осмотрели все нижние палаты, а потом взойшли на второй этаж и там всех осмотрели. Потом, когда мы возвратились к первой палате, первая говорит мне: “Смотри, како узриши деемое нами, тако и ты твори. Приидохом бо сюда утешати и ободряти страдальцев”. И, перепоясавшись, Она налила в большую чашку, в какой подают к обеду щи или борщ, воды, обмакнула в нее губкой и начала очищать язвы и раны. Потом отерла их мягким полотенцем, принесенным с собою. Затем взяла из кошелки мазь и намазала ею и мылом лицо и голову болящего. Умыла, вытерла своим полотенцем, причесала власы — и так быстро, скоро оправила болящего. Затем перешла к другому. Так и с ними делает. У кого рука или нога изломана — она выправляет. У кого внутренности разорваны — все внутренности страждущего она внутрь живота вбирает, обмыв их чистою

водою. Всю кровь и гной смывает и принесенным маслом смазывает. Вправив все внутренности, своими руками все заглаживает и, отерши живот и все члены тела полотенцем, расчесав каждому волосы, оградив каждого крестным знаменiem, дает ему пить чистой воды. Потом скажет каждому страдальцу несколько утешительных слов, ободрит, утешит и отходит к другому больному, и с ним то же самое делает.

Когда первая изволила уже третьего оправить, говорит, обратясь ко мне: “Видел, как мы делаем? Стань здесь около меня — между мною и великомученицею Варварою. Смотри внимательно как мы делаем, и так же твори. Ничем не пренебрегай и всех страдальцев в тяжких их болезнях утешай. Ничем не мерзи и не гнушайся ради любви к Богу и ближнему...”

И приступил я к больному, открыл покров его, снял с него рубашку и увидел, что вся грудь у него разорвана, так что видны внутренности. Живот и все нижние части разорваны. Увидев это, я вострепетал, оцепенел как мертвый, ибо ужас объял меня...

Святая великомученица Варвара, как назвала ее первая, приступила ко мне, держит меня за левую руку и говорит к первой: “Всемиловитая Владычица, Мати Божия, виждь, яко изнемог его дух. Сотвори, Владычице, милость Твою с ним, да обновится дух в нем, да послужит и поработает он, Владычице, Господу Богу, Спасу всех, Сладчайшему Жениху моему Иисусу Христу. Всемиловитая и скорая Помощнице, Заступнице и Покровительнице всех, Утешительнице, Мати Умного Света, Владычице Богородице, молю, укрепи его и умудри, да уразумеют вси, яко еси всем похвала и слава...”

Тогда я, окаянный, уразумел, Кто суть сия Первая, и вторая, и третья, и вострепетали мои сердце и душа. И я не мог понять, где я, что и при ком. Тогда Всемиловитая Владычица говорит к третьей: “Святая великомученица Александра, приступи сюда, зри малодушие сего воина инока, вышедшего на брань противу врагов и хотящего положить жизнь и душу свою за имя Господа Бога Иисуса Христа, святую веру, Церковь Божию и ближнего. Он пришел с нами послужити страдальцам Божиим и, увидев их язвы, ужаснулся, так что изнемог его дух. Смотри, каков он есть.” Святая великомученица Александра говорит ко Владычице: “Всяк человек, если непричастен благодати Господа Бога и Спаса всех Иисуса Христа и Твоей, Всесвятая Мати, есть нищ, немощен, труслив и расслаблен. И ныне, Всесвятая Владычице Богородице, благослови его, укрепи и подаждь ему Твою неотъемлемую и неоскудевающую благодать...”

И Владычица приступила к моему окаянству, осенила меня крестным знаменiem и говорит: “Отныне в тебе и на тебе и во всех твоих делах и начинаниях во веки будет Моя благодать, да бодрственно, верно, благочестно, в мире и любви ко Господу и ближнему послужишь страждущим людям, и Аз буду с тобою во всех делах твоих...” От сего дух мой ожил, и я, приступив к делу, делал его уже без страха и оцепенения, но благоговейно и с радостью в душе и сердце. Я был справа от Владычицы Госпожи Богородицы и слева от святой великомученицы Варвары.

Дело теперь пошло быстро. Того первого страдальца, имя которого было Василий, Владычица спросила: “Как твое имя?” Он сказал: “Василий”. Тогда Она говорит ко мне: “Заметь его имя в сердце и памяти. Будет время — он придет к тебе туда, где ты будешь. И когда он придет, припаси для него благословение твое во имя Господа, и будет ему.”

Так и было. Уже когда я был здесь, в обители Святой Троицы, он приехал сюда, говел, исповедался и причастился Божественных Таин Святого Тела и Крови Господа Иисуса Христа. Он признал меня, рассказал все, как было тогда, как он был жестоко и безнадежно ранен... Он видел сон, где ему было сказано идти в Киев и разыскать меня. Во сне ему было указано место, и по этому указанию он нашел нашу обитель и меня. Однако я ему не сознался и все от него скрыл — единственно, чтобы среди людей не пошла молва. Он был здесь несколько дней, и я с миром отправил его восвояси.

Итак вскоре все дела в этой палате были окончены: мы успокоили всех больных и пошли в другую большую палату, где тоже совершили свой долг послушания. Потом пошли

в меньшую палату, где лежало много больных, и там послужили. Затем пошли туда, где были уже выздоравливающие. Там Владычица благословила всех, ободрила в вере, послушании Святой Церкви Божией и ратном подвиге ради спасения ближнего. После сего Всесвятая Владычица обошла все полки, все Христолюбивое воинство, всех их благословила и утешила. Также Владычица благоизволила побывать в Севастополе, Симферополе, Бахчисарае, Карасубазаре, около Черной речки, где наши воины жили в землянках. Побывав везде, Владычица возвратилась обратно в Киев.

Все трое они вошли в мою келию, а святая великомученица Варвара и говорит: “Вторая стража, час времени”. Потом, помолившись Господу Богу, они сделали по три земных поклона, и Владычица говорит: “Зри все сие, помни, не забывай, и егда придет оное время, Дух Святой воздвигнет в душах и сердцах многих людей всякого пола, возраста, чина, звания и верования дух. Ни для кого ни в чем не отказывайся от своего служения, ничем не гнушайся и не мерзи. Ибо Глава всех есть Господь Иисус Христос. Все же — Его уды и части. Верно проходи свое служение Богу в любви к Богу и ближнему. Блюди, чтобы никого не презреть. Всем постражди и послужи во благо и утешение страждущего и унывающего человека, как и ты сам много на себе испытал...” Потом Она трижды оградила меня крестным знамением и говорит: “Да будет в тебе мир Божий и да послужиши Ему верно и в правоте”.

Тогда я увидел Владычицу и святых с Нею не в простых одеждах, но в одеянии красоты и света, которое невозможно ни описать человеческим языком, ни придумать, ни поведать.

Я испросил молитв и материнской милости Владычицы ко мне и всем делам моим. Также и сих великих святых — великомученицу Варвару и великомученицу Александру — просил молиться обо мне ко Господу и Святой Владычице, да милостивы будут ко мне грешному. “Знаем, знаем твои немощи, но и ты утренюй ко Господу Богу и ко всех Владычице Госпоже Богородице, ибо Она есть Мати всех, кто к ней прибегает. Подает им покров, благодать и утешение. А ты наше житие и страдания за Господа Иисуса, наносившиеся нам от диавола и слуг его, читал? Виждь, како Господь Сил прославился в наших немощных женских телесах и потоках нашей крови. Истинно, дивен Бог во святых Своих. Аминь.” И опять Владычица, преподав мир, благословила и изволила выйти из моей келии, а вместе с Ней и святые. И говорит Владычица: “Виждь, мученице Варваро, в церкви Божией совершается утреннее славословие”.

И я возвратился в свою келию...

Это чудесное событие помимо всего прочего имело символическое значение. Отец Иона должен был стать основателем новой обители, в которой могли бы находить себе излечение множество страдающих от болезни греха. А он должен был принимать каждого, независимо от того, насколько он был изранен грехами. Здесь необходимо заметить, что в те годы во многих монастырях был обычай принимать в монахи главным образом тех, которые могли внести в обитель какие-то средства. То есть настоятели часто смотрели больше на то, какую экономическую пользу обители может принести человек, который в нее поступает, чем какую духовную пользу может принести ему монастырь.

В описанном выше посещении Божией Матери и двух святых отец Иона получил повеление принимать к себе всех, кто хочет исцелиться от духовных болезней. И действительно, в последствии старец ни разу не отверг никого, кто искренне искал своего спасения.

Итак, Господь и Божия Мать различными способами воспитывали отца Иону, чтобы он стяжал все необходимые для игумена монастыря свойства и стал настоящим старцем.

В Братском и “Греческом” монастырях

После обители святого Николая отец Иона на небольшой период поселился в Братском монастыре. Конечно, здесь тоже не было особой духовной жизни, поскольку почти все

монахи были связаны с Киевской Духовной Академией и занимались главным образом наукой.

Вскоре отец Иона оставил этот монастырь и шестого сентября 1857 года поселился в обители Св. Екатерины, именуемой “Греческая”. Здесь 29 июня 1858 года, в праздник святых апостолов Петра и Павла, он был рукоположен в священнический сан.

В то время “Греческий” монастырь находился в упадке. В нем жило только четыре иеромонаха, два иеродиакона и несколько послушников. Монастырь не имел доходов и постоянно нуждался. Однако, когда сюда пришел отец Иона, положение изменилось: множество поклонников начало посещать его. Это в конце концов стало для отца Ионы причиной многих скорбей, как он сам описывает:

Я жил в Греческом монастыре. В то время он не имел никаких доходов. Богомольцы совершенно не посещали его, и он был как мертвая буква. Но Господь по Своему неисповедимому милосердию соделал чудо. Все вдруг в нем ожило. Богомольцы потекли в него со всех сторон и из разных мест. Деньги и все прочее просто лилось. У братии появилось много трудов: постоянно молебны, панихиды, — а служителей было мало: четыре иеромонаха и два иеродиакона, а прочие все были послушники. Труда много, а содержание плохое, скудное: хлеб и борщ.

Братия начала просить отца архимандрита Кирилла улучшить пищу хотя бы из тех общих сумм, которые назывались братскими. Отец архимандрит не уступал их просьбе, а за ропот и недовольство некоторых иеромонахов выслал из монастыря. Также он начал негодовать на меня, что я не соглашаюсь на то, чтобы все доходы переходили к нему... Видя такую его алчность, я решился уйти оттуда и перевестись в Выдубицкий монастырь.

Начало новой обители

Еще когда отец Иона жил в монастыре Св. Екатерины, было положено начало новой обители. Сам его основатель рассказывает, как это происходило:

Первый житель, поселившийся на месте, где теперь стоит святая обитель, был отец Илларион. Он пришел ко мне после Крымской кампании, получив от своего военного начальства отставку. Я принял его к себе по его просьбе и оставил жить в послушании и работать в приобретенной у Марии Романовны и соседа Молявки усадьбе. Первая была приобретена за 130 рублей, а вторая — за 115. Строений здесь никаких не было: одна земля и заросли. Отец Илларион сделал себе куренок из хвороста, нарванного здесь же, из дикого бурьяна сделал крышу и жил здесь целое лето. Потом Бог благословил, и появилась маленькая келийка на чистом, не заросшем месте. Купив барочного леса, я поставил в углах столбы из толстых бревен, а затем стены из досок длиною и шириною в семь аршин.

В этой келии мы жили вдвоем... Здесь был сад, в котором росли разные фруктовые деревья: груши, яблоки, сливы, вишни, орехи. Место это было отгорожено от Выдубицкого монастыря забором.

Когда отец Илларион жил здесь один, он увидел однажды выходившее из земли пламя, охватившее всю местность, где ныне стоит малая церковь. Видел огромный огненный столп, доходивший до небес. Столп виден был даже на горе, где ныне собор. Много ему было страхов от дьявола. Дьявол гнал его отсюда. К отцу Иллариону неоднократно приходили воры и грозились убить его, но Бог его во всем хранил и укреплял. Дьявол поносил его и говорил, зачем он здесь живет — лучше жить в монастыре, чем здесь. Дьявол рыдал всю осень, зиму и весну, ходя по переулку и кляня отца Иллариона, Николая и Романа, которые жили втроем, а также приговаривал: “Проклятые черноголовые, длинноволосые калугеры зудят мне, гонят меня и покою мне не дают, из моего древнего и давнего наследия гонят меня”. Братия все это слышала и терпела.

Спустя два года как они здесь поселились отец Илларион видел большой разлив воды по всему саду: вода стояла стеною в полтора аршина. Это видение было ночью. Отец Илларион хотел выйти ночью, отворил наружную дверь и увидел большой разлив. Посмотрел — выйти с порога нельзя. Он страшно испугался, начал черпать воду руками и умывать руки и лицо...

Отец Илларион вытерпел там много горя, скорбей, болезней, наготы и голода. Никто не хотел верить, что на этом месте будет монастырь. Некоторые из братии Выдубицкого монастыря насмехались над нашей надеждой, говоря, что монастырь здесь будет, когда у них на ладонях вырастут волосы. Когда отец Илларион впадал в скорбь и терял веру в возможность построить монастырь, повторял слова этих братий: “Когда у меня на ладони вырастут волосы, тогда здесь будет монастырь”.

До поступления в Выдубицкий монастырь мы с отцом Илларионом жили в саду: вместе работали, очищали участок от бурьяна, сажали деревья, поливали их, посадили испанских вишен. Так я прожил в саду целое лето...

Затем отец Иона переселился в Выдубицкий монастырь, находившийся по соседству с участком, который был указан Богом для строительства обители. Живя здесь, он продолжал навещать место, на котором предстояло быть построеному новому монастырю:

Когда мне было очень тяжело от ненависти и нападок братии, я уходил в сад и, глядя с грустью на это место, думал, как может здесь быть святая обитель. Иногда высказывал эти мысли брату Иоанну, и он тоже не верил в возможность, что здесь будет монастырь. Я погружался в мрачные мысли: как здесь быть великому делу, когда у меня ничего нет и я ни к чему не годен; а тут еще терплю постоянные нападки от врага и разные неприятности.

Бывало, придя я после обедни в сад, поставлю самовар, и пьем с братом Иоанном чай. Отворим окошко, приготовим на столе пищу для соловьев: муравьиные яйца, сыр, который приносил для них брат Иоанн. Приготовив все, зовем их: солка, солка! А они прямо в окно летят и здесь же запевают. Они у нас в келии были как цыплята: смелые, ничего не боялись. И так было все года летом.

Потом я принял отставного солдата Гавриила. Он жил с Иоанном в одной келии. Жили они хорошо, берегли себя, внимали себе, ни с кем знакомства не имели. Сначала я тоже жил с ними в саду. Не помню, в котором году к нам в сад начала прилетать необыкновенная птичка и садиться на груше, на самой ее верхушке, неподалеку от нашей келии. Величиною она была с голубя, только перья у нее были разноцветные и необыкновенно красивые — блестящие. Она садилась, оборотясь к нам носиком, и пела очень приятно, усладительно. Сначала брат Иоанн ничего не говорил — ему было приятно ее пение, — а потом начал гнать ее и пугать. Однако она нисколько не поддавалась испугу, сидела на одном месте и непрестанно пела. Цвет ее перьев часто менялся: иногда грудь была белая, синеватая, желтая, крылья зеленые, хвост белый, а иногда голова была красная, грудь желтая, крылья белые, спина зеленая, хвост голубой. К нам в сад никто не ходил, и мы никого никогда здесь не видели и об этой птице никому не говорили, так как это было видимое чудо Божие. Невозможно было постоянно сидеть и петь на одном и том же месте и не бояться ничего, не поддаваться ни малейшему страху. Видя дерзость брата Иоанна, я укорял его, но он мне отвечал, что она ему спать не дает. Она пела ровно сорок дней и сорок ночей. В последний раз она была вся совершенно белая. Она сидела на дереве и просто сияла. При восходе солнца она слетела с дерева, несколько раз облетела все наше место кругом, остановилась в воздухе, как делают копчики, когда увидят добычу, три раза издала какие-то звуки и улетела. И больше мы ее никогда не видели. Тогда только брат Иоанн убедился, что это была необыкновенная птица и очень сожалел, что пугал ее.

После поселения отца Ионы в Выдубицком монастыре здесь повторилась та же история, что и в “Греческом” монастыре: посетителей сюда приходило очень мало, и обитель пребывала в упадке. Однажды отец Иона сказал братьям как бы в шутку, чтобы они на последние деньги купили мешков, потому что будут собирать дождь из денег, который выпадет весной. Те же только посмеялись над ним. Однако весной сбылось сказанное отцом Ионой: сюда начало стекаться множество паломников со всей России. Причиной этого стечения народа вновь стала личность отца Ионы — люди начали понимать, что это был за человек, и стали выстраиваться в длительные очереди, чтобы исповедаться у него или получить его благословение. У монастыря однако не было возможности принимать такое большое количество посетителей, и те оставались без крыши и еды. Это очень огорчало отца Иону. Вскоре Господь послал одну богатую жертвовательницу — баронессу А.П. Бод, которая сняла для паломников дома, в которых им также предлагалась пища.

В это время отец Иона был настолько занят посетителями, что не мог уделять внимания братии монастыря. Каждый день после Литургии он приходил в свою келию и принимал паломников. Народ у него был и днем и ночью. Это, однако, стало причиной гнева против него со стороны братии монастыря. Сам старец рассказывает о следующем печальном событии:

Когда денег у братий стало много, а свободы нет, то они начали кричать: “Это наказание Божие постигло наш монастырь. Дьявол подкинул нам этого разбойника, мучителя, колдуна; он околдовал весь свет и всех нас замучил своим народом”. Прежде у них было так: как окончится Богослужение, так все уходят из монастыря: тот до кума, тот до кумы, а тот к духовным детям или духовной дочери. Время проводили весело, спокойно и мирно, а теперь и пойти никуда нельзя, ни к себе принять нельзя. Угощать некогда, и к тому же нужно всегда быть трезвым, так как постоянно совершаются то молебны, то панихиды, то нужно исповедывать. От того происходит томление, скука, досада и раздражение. Я водил к ним исповедников больше, чем оставлял себе. Но они все были недовольны, все скорбели.

Я сам целые дни был занят, не имел времени пойти в купленное место. За все лето был там раза три или четыре...

Раз утром, до обедни, я собрал в большой церкви богомольцев для слушания молитвы перед исповедью. Прочитав молитву, я попросил пономаря и записчика отвести их к духовникам, разделив группами. Пономари собрали в трапезной церкви еще богомольцев слушать молитву перед исповедью и сказали мне, чтобы я шел туда прочитать им эту молитву. Там были иеромонахи отец Гервасий, отец Григорий и двое других. Только я вошел в церковь и направился к алтарю взять святую епитрахиль и требник и начал молитву, слышу, отец Гервасий говорит: “Не слушайте его, господа. Вы все, кажется, люди умные, взрослые, имеете свои понятия, и прельстились от этого лстеца. Это не человек, а дьявол во плоти. Это разбойник. Он всех нас умучил, а вы, добрые люди, слушаете этого сумасшедшего человека, безумного лстеца. Вот смотрите, как мы его уважаем.” И отец Гервасий схватил меня за бороду, за волосы и за глотку, а остальные отцы начали бить меня палками, приговаривая: “Вот как величают вашего святошу”.

В церкви сделался ужас. Люди, видя такое страшное смятение, бросились на них и отняли меня, а их буянов вытолкали из церкви и никого не пустили. Люди хотели идти к митрополиту, но послушали меня, и все стихло. Я прочитал им исповедную молитву и начал исповедовать. Я просил их о скаредном поступке монахов никому не говорить, так как все это козни дьявола. Я ничего не сказал отцу архимандриту Вениамину — так все и прошло.

Спустя некоторое время брату Иоанну с другим послушником запретили ходить ко мне под угрозой немедленного удаления из обители. Отец архимандрит ничего этого не знал, и все это происходило от отца Гервасия и Макария казначея. Кто-то из ненавидевших меня запер меня в моей келии висячим замком. Я этого не знал. Проходит день, другой, третий — я удивляюсь: что это такое, что ко мне никто не заходит. Хлеб у меня в келии был, соль и

вода тоже. Утром выпью столовую ложку крещенской воды, омочу кусочек хлеба в соль, покушаю, и мне довольно. Просидел я под замком в келии всю неделю, и было мне покойно и весело. Около своей келии я никого не видел, потому что ее окна выходили на задний двор.

Спустя десять дней слышу около двери келии говор, потом стук в дверь. А она у меня была заперта на внутренний замок и на нее был наложен крючок. Слышу голос отца архимандрита: “Он, верно, умер. Давно его не видно? Кто же его запер? Вот чудо — это просто убийство. Скажи, пожалуйста, что делается в монастыре, и я ничего не знаю! Позвать кузнеца и отбить дверь!” Я стою, молчу и жду, что будет дальше. Пришел кузнец, отбил замок и говорит, что дверь еще изнутри заперта. Отец архимандрит говорит: “Нужно окно вынуть и влезть”. А потом говорит: “Погоди, попробуем: может, он жив. Надо стучать в дверь. Когда он не отзовется, тогда уже и окно вынем.” Слыша их разговор, я отошел дальше вглубь келии. Они начали стучать в дверь, говоря: “Отец Иона, ты жив? Если жив, то отвори нам.” Я молчу, жду, что будет. Он повторил другой раз и третий. Тогда я отозвался: “Кто там и что вам нужно?” Отец архимандрит, услышав мой голос, говорит: “Ну, слава Богу, жив”. Я отворил дверь. Отец архимандрит говорит: “Что с тобою?” — Я улыбнулся и говорю: “Я ничего не знаю”. — “Здоров ли ты?” — “Как видите, слава Богу.” И они все от меня отошли.

Отец архимандрит говорит: “Я ничего не знал, вот только вижу: на дворе народу много, а в церковь никто не идет; походят, походят во дворе и идут из монастыря. Я, видя все это, удивлялся, но не знал, от чего это. Потом сторож — старик Николай — подходит ко мне и говорит: монахи заперли отца Иону наружным замком в келии, и он уже десять дней под замком сидит. Наверное, умер, сердечушко. Келейникам запретили к нему ходить под угрозой немедленного изгнания из монастыря. Его келейнику Иоанну тоже запретили даже в монастырь заходить.” После этого события отец архимандрит стал почаще за всеми следить. Призвал отец архимандрит моих келейников Иоанна и Гавриила и велел им почаще ходить ко мне, даже и ночевать у меня. Меня перевели в другую келию, окнами в монастырь, но негодование отцов на меня не прекратилось.

Посещение Божьей Матерью 1 марта 1861 года

Однако среди всех этих скорбей и искушений Бог часто утешал отца Иону чудесными небесными посещениями, как он вновь сам рассказывает:

Я жил в Выдубицком монастыре. Раз ночью под первое марта мне не спалось. Помолившись Богу, я лег. При мне никого не было. Братья Иоанн и Гавриил жили в саду. Сколько я ни старался — заснуть не мог. Я то вставал и читал, то выходил во двор. Было очень холодно. Я встал, оделся, вышел на крыльцо и вдруг вижу: то место, где был наш сад, осиялось. Сверху разлился страшный пламень. Я сильно испугался: подумал, что это наши горят. Скорее вошел в келию, оделся, обулся, одел теплый подрясник, перекрестился, взял палку и пошел на гору.

На горе в монастырской ограде была калитка. Она никогда не запиралась, и я в нее прошел. Вхожу на гору с большим трудом, едва-едва могу идти от испуга и охватившего меня волнения. Ноги мои от страха ползут назад. Я несколько раз падал, у меня перехватывало дух. Едва-едва добрался до ограды нашего сада от соседки Параскевы Сидорихи. Став возле перегородки, я взглянул в ту сторону, где была наша келия. Вижу, келия цела, не сгорела. Окна закрыты ставнями — все спят. Однако пламень охватывает всю келию с крышей и кружится, поднимается вверх. “Сгорят они, бедные,” — подумал я и, отдохнув, перелез через забор и вошел в сад.

Подожел ближе и вижу: пламень страшно бушует, охватывает всю келию, крышу. Крыша трещит, страшная буря бушует, ревет, а келия стоит невредима. Подошел к самой келии, хотел постучать в ставень, разбудить их, но передумал. Пламя же со страшною силою, играя, охватило всю келию и крышу, но келия была цела. Стоял я, смотрел и думал: как все

это могло загореться и что за причина пожара. Взглянул направо — вижу, стоят монахи. Смотрю на них и думаю, зачем они сюда пришли: видно, идут из святой Лавры в Голосеево и Китаево; думали пройти здесь ближе, а тут загорожено. Смотрю, стоит и Матерь Божия с жезлом. Я от страха упал на землю и лежал без чувств, пока рука Владычицы не коснулась моей головы.

Пречистая изрекла: “Дух его в нем есть”. Тогда только жизнь возвратилась ко мне, и Владычица говорит: “Восстань и стань на ноги. Стой прямо и смотри. Вот мы пришли сюда навестить это место, Богом Сыном Моим издревле предызбранное, и тебя увидеть. Смотри, кто пришел со Мною. Ты все малодушествуешь и сомневаешься, как это здесь может быть?”

Оле окаянству моему! Дерзнул я стать на ноги. Всесвятая Владычица стояла лицом к востоку. Справа от Нее стояли: преподобный Петр Афонский, преподобные отцы Антоний и Феодосий Печерские, за ними святые отцы Феодор Студит, Ефрем Сирийский, авва Варсануфий, авва Пимен Великий, Пахомий Великий, Паисий Великий, Сысой Великий, авва Дорофей, Досифей, Варлаам, Иоасаф царевич Индийский, Онуфрий Великий, Павел Фивейский, Макарий Великий, Марк Фрачевский, Антоний Великий, Феодосий Великий и многие другие святые отцы. За ними стояли все преподобные Печерские и преподобные Сергей Радонежский, Антоний Римлянин, Нил Сорский. Был очень большой собор. По левую же сторону от Владычицы стояли Божественные апостолы: Петр, Иаков, Иоанн, Павел и другие святые апостолы; святой Иоанн Креститель, святой пророк Давид, Иессей, Иеремия и другие с ними; святой Александр Невский, святой равноапостольный царь Константин Великий, царица Елена, святой князь Владимир, святая великомученица царица Александра, княгиня Ольга и другие святые мужи и жены. Все стояли в великом благоговении, и от святой Владычицы Госпожи Богородицы исходил великий и неисповедимый свет.

Святая Владычица благоизволила говорить о месте сем и о всех, истинно возлюбивших Господа Бога, Ему Единому предавшихся в сожители и пекущихся о сопребывании с Ним: “Иноки многи имуть быти zde, и излиет Господь Бог и Сын Мой благодать на место сие и на живущих на месте сем. И Моя благодать имать быти с ними zde во веки. Неотступно буду посещать место сие в роды вечные, и на сем месте многие спасутся. Аз же буду Помощница им всегда и во всем. Защитница и Помощница против восстающих, борющихся и обижающих их! Все от Меня получают покой и утешение во всем. Я и Сын Мой очень любим иноков, радуемся и веселимся иноческим житием.”

Всесвятая Владычица изрекла много-много чадолюбивых слов о всех верных Сыну Ея и говорит мне: “Место это — место отрады и утешения благоскорбящих, пристанище обуреваемых, покой, радование и веселие вечное”. Потом Святая Владычица обратилась к святым отцам Афонским Петру и Афанасию и говорит: “Вы святые и Богоносные отцы, вместе со Мною потрудившиеся любви ради ко Господу Богу и ко Мне в устроении святой обители. Вы построили пчельник, поставили хорошие улья, ввели рой пчел и все хорошо устроили. Выбрали для разведения пчел добрых и мудрых распорядителей, именуемых матками. От хорошего распоряжения все шло хорошо. И вот Я захотела увидеть дела их и посетила эти пчельники. Вижу, обители и улья стоят, а пчел, маток и самих строителей нет и нет — все улетели. Где же эти пчелы, их начальники и наставники?”

Они вышли из пределов своих, свергли себя в пространное море, устремились в волны и мятежи ветреных вихрей и бурь, погрязли в волнах моря, и ветры разметали их. Прождав их долгое время, все пчелы в ульях покинули их, и улья стоят пустые, и нет работающих в них. Я видела: их осталось очень мало. Они устроили себе гнезда в расселинах камней и живут там. И Господь Бог промышляет и печется о них. Мой Бог и Сын и Я посещаем некоторых из них, так что они имеют Бога Помощника, Питателя и Покровителя себе. Остальные же притупили ум свой зрети Господа и Его Единого в себе имети, обратились в страны далеки, устремились на север, восток, юг и запад... Сии воины суть вне предела Святой Горы и места пребывания своего, они извергли себя вон. Богоноснии, Боголюбивии труженики, святые отцы Петре и Афанасие, вы сами весте, яко все добре устроили. Их же обольстили ложное

мечтание и лживое помышление: честолюбие, самолюбие, сластолюбие, кичение, самооболение. Они подпали и поработились студным страстям, пленившим их...”

И много-много говорила Всесвятая Владычица сим святым отцам Петру и Афанасию Афонским. Еще я позабыл: предсказала Владычица два знамения, какие были даны жителям Святой Горы ко исправлению их и ко обращению их духа, ума и сердца ко Господу Богу... И многое-много говорила Владычица во свидетельство перед всеми святыми.

Уже настало утро, солнце взошло и было высоко, но свет от солнца был как от самых малых звездочек. Свет же Всесвятыя Владычицы был неисповедим. Все святые предстояли перед Ней в великом благоговении. Она изволила еще повторить о месте сем, где Всеблагой Господь восхотел устроить во имя Всесвятое Свое великую обитель и поселить в ней иноков, восхваляющих Господа Бога своего. Многие из них спасутся дивным спасением и будут служить во утешение людям настоящих времен. И Всесвятая Владычица пошла от этого места вниз, и все деревья преклонили свои вершины, воздавая благоговейно честь Всесвятой Владычице. И велела мне Владычица идти вслед Ей.

Я, подойдя к келии, где спали Иван и Гавриил, хотел постучать им в ставень и только это подумал, Владычица говорит: “Оставь их, не тревожь, пусть себе спокойно спят”. И я уже не посмел стучать. Она отошла немного, стала и начала говорить, укрепляя мое малодушие, которое часто овладевало мною, объясняя мне по порядку все дела, которые ни описать, ни пересказать невозможно. Дойдя до откоса горы, Владычица стала и говорит: “Берегись и не падай духом. Не попускай смущению входить в душу. Зри, как кочерга повинуетя своему обладателю: все подходящее к ее устройству делает и все гребет: холодный пепел, холодные и горячие угли, золото и серебро, хорошее и плохое зерно — все, что нужно сгрести или перегрести. Она все терпит и делает молча — если даже ее влагают в огонь или горящее пламя или выгребают ею горящие угли. Она этим не гордится и не превозносится, но молча терпит, повинуетя воле своего владельца и господина, потому что сделана для всех этих дел. Пойми, все это относится к тебе. Думай, что ты лопата, грабли, кочерга, выгребающая из адского огня геенны души, предохраняя их от грехов и вводя в горную вечную радость, в славу Небесного Царствия, в покой и веселие в бесконечные веки.” И Иоанн Богослов опять говорит мне, скаредному истукану: “Скажи: Аминь,” — и я сказал: “Аминь”. Потом, помолчав, Владычица говорит: “Предупреждаю тебя: многие и многие придут и приползут разного рода и племени, целы и полуцелы, уязвленные, отягченные сном, дремлющие, расслабленные, обремененные и удрученные тяжестью, случившеюся от них самих и от исконного врага. Всех их приими и послужи им, никем не пренебрегая, ибо все они суть Божии. И Аз не престану посещать место сие, живущих в нем и ползущих к нему. Господь Бог и Сын Мой и Аз всегда послужим ко утешению и спасению всех их.” И опять святой Иоанн Креститель говорит: “Рцы: Аминь”. И я, безумный невежда, сказал: “Аминь”. И говорит Владычица: “Мир и благодать месту сему, тебе и всем здесь живущим. Иди в мире и благодати к себе.” И я поклонился до земли. Владычица отступила и стала невидима. Вместе с Нею отошли все остальные, и я остался один.

В каком состоянии я тогда находился, человеческий язык высказать не может. Возвратясь на то место, где Своими Пречистыми Всесвятыми стопами благоизволила стоять Владычица, я заметил на снегу следы Ее ног. Тогда я нагреб на том месте кучу снега и обставил его поленами. Потом уже разбудил спящих. Было одиннадцать часов дня, и за все это время — с двенадцати часов ночи до одиннадцати дня — никто из них не вышел на двор. Они отворили ставни, и я ничего не рассказал брату Иоанну о происшедшем, но показал только место, обсыпанное снегом и обставленное поленами, и попросил охранять его и держать в чистоте.

Мы поставили самовар, и, напившись чаю, я пошел в монастырь. И тайны этой никто не знал.

Примечание:

В главном храме монастыря Святой Троицы над южным входом изображено это чудесное видение. В центре находится Божия Матерь с игуменским жезлом. Она окружена огненными языками, приблизительно как на иконе “Неопалимая купина”. Справа и слева от Нее изображены святые, которые присутствовали в видении. Справа находятся: преподобные Афанасий Афонский, Антоний и Феодосий Печерские, митрополит Михаил Киевский, преподобные Петр Афонский, Федор Студит, Антоний Великий, Феодосий Великий, Пахомий Великий, Паисий Великий, Евфимий Великий, Арсений Великий, Сысой Великий, Савва Освященный, авва Дорофей, Ефрем Сирин, Харитон Исповедник, Варсануфий Великий, авва Пимен, Макарий Александрийский, Андрей Критский, Иоанн Кассиан Римлянин, Исаак Сирин, Марк Афинский, Макарий Египетский, Пафнутий, Павел Препростый, Иоасаф Индийский, Иоанн Колов, Виталий, Варлаам, Иоанн Лествичник, Иосиф Песнописец. Слева: святые апостолы Петр, Марк, Иоанн Богослов, Матфей, Лука, Симон, Павел, Иаков, Андрей, Филипп, Фома и Варфоломей, равноапостольные цари Константин и Елена, Владимир и Ольга, князь Александр Невский, мученики князя Борис и Глеб, Дмитрий, царица Александра, Георгий Победоносец, Дмитрий Мироточивый, Пантелеимон, Меркурий, царица Феодора, Федор Тирон, Иоанн Воин и Федор Стратилат.

Посещение Божьей Матерью 9 марта 1962 года

После этого происшествия по назначению отца архимандрита Вениамина я опять занялся своим делом в Выдубицком монастыре. Я старался позабыть о происшедшем и быть спокойным.

Девятого марта мне нужно было сходить за чем-то в сад и что-то сказать отцу Иоанну и брату Гавриилу.

Я встал, умылся и пошел на гору через форточку (калитку), которая всегда была открыта. Поднявшись вверх, я увидел сильный пожар. Я хотел подойти поближе, но страх так овладел мною, что я остался на месте и не мог двинуться, думая, что они там сгорят. Мне было очень тяжело, и слезы лились из моих глаз. Снег был глубокий, и я не мог идти. Я так ослабел от страха и горя, что несколько раз падал. Пока дошел до перегородки, прошло около часа. Подойдя к перегородке, я перелез через нее и направился к келии.

Вижу, деревья и вся келия охвачены пламенем. Буря свирепела, выла, раздувала пламень, который со страшной силой подымался и охватывал крышу, стены и всю келию. Я собрался с силами и подбежал к келии. Я хотел постучать в ставни и разбудить спящих, но грозное пламя охватило меня со всех сторон, и от страха я упал. Мне было тяжело оттого, что я не имел сил помочь несчастным. Поднявшись на ноги, я вновь приблизился к келии, и только хотел постучать, как вдруг сильное пламя охватило и меня, и келию, и крышу; крыша затрещала, а меня ветром отбросило в сторону. Боже мой! Какой я грешник — и сам погибаю, и эти несчастные жертвы тоже должны погибнуть из-за меня. Так я подумал и начал молиться: “Всесвятая Владычица, не попусти из-за меня погибнуть сим невинным агнцам — пусть уж я один погибну, а они и так много терпят от людей”.

Буря же и пламень не уменьшались. Но я заметил, что пламя, охватившее все: и меня, и деревья, и келию, — не обжигало ни меня, ни моей головы, ни шапки, ни одежды; также и крыша, хотя и трещала, была освещена и охвачена пламенем, оставалась невредимой; также и деревья не сгорали и не падали, но стояли на месте. Господи, какое это чудо необыкновенное! Это, верно, у соседа Солоного загорелся его дом и сарай — все было сухое, а потому внезапно и загорелось. От того пожарища пламя перенеслось и сюда. Однако как бы и они, бедняки, не пострадали и не погорели, так как никого не было слышно.

Между тем буря стихла и пожар прекратился. Я пошел посмотреть к соседям. Иду и думаю: наверное, они с товарищами-рыболовами выпили и погорели. Все иду и смотрю в правую сторону. Вдруг нечаянно споткнулся о пенек и упал. По своему крайнему невежеству я ничего не мог понять: все охватывает страшное пламя, которое ничего не сжигает. Ничего

не разберу и не пойму. У меня, как у безумного, в голове пустота — так и есть дурак: явственно совершается дивное, а я не могу ни понять, ни разобрать чудного дела и всего того, что происходит.

Подняв голову, я посмотрел вперед, и — о, окаянный человек, как земля не пожрала меня нечувственного в моем окаянстве — увидел стоящую Всемиловитую Владычицу. Ужас поразил меня скверного, гнусного человека, и я замертво упал на землю. Что было со мною и долго ли лежал я как труп — не знаю. Когда Владычица изволила коснуться моей головы, тогда я ожил и услышал Ее слова: “Дух его в нем есть”. Тогда жизнь подобно молнии пробежала по всему моему телу. “Встань, трусливый и малодушный монах, и стань на ноги.”

Я же продолжал отказываться, говоря: “Владычица Всесвятая, как я могу совершить такое великое дело?! Здесь нужен муж мудрый-премудрый, сильный духом и словом, а я что? — Простак и совершенный невежда, да еще и не силен в благодати Божией — что пес смердящий.” — “Слышишь, Петр святой, что он говорит? Я сказала тебе, что ты грабли, секира, что через тебя во всем будет действовать Сын Мой, Бог и Владыка Вседержитель. Господь соделал тебя орудием Своих дивных и святых дел и восхотел во дни сии проявити Свою Божественную славу пред людьми, яко Бог Сый, Который был сначала и есть Тот же ныне и во веки.” Святой апостол Петр, держа в своих руках чашу со святою водою, говорит мне: “Рцы: Аминь,” — и я сказал: “Аминь”. Владычица, держа в правой руке кропило, говорит: “Се ныне мы приидохом видети и посетити место, издревле избранное Богом Сыном Моим во обиталище и храм во имя святое Его... Се мы все, совокупно предстоящие ныне, якоже нас видиши, являемся свидетелями. Ибо в сей час восхоте Господь Бог, да освятится место сие во имя святое Его.”

Затем Пречистая двинулась с места, на котором изволила стоять первого марта и начала окроплять святою водою все оное место от верха к низу. Обойдя все место и окропив его святою водою, Святая Владычица стала на прежнем месте и начала говорить ко всем предстоящим святым. Прежде Владычица обратилась к святым Петру, Афанасию Афонским, Антонию Великому, Феодосию Великому, Пахомию Великому, Феодору Студиту, Антонию и Феодосию Печерским и сказала: “Здесь, на Святой Горе Афонской, проявил Господь силу и благодать Свою, труд же как на Афоне, так и здесь, Мой. Чем ты стала, Святая Гора Афонская? Кто твои жители? Кто живет на тебе? Я увидела все дела их и сделала им напоминание, но они не исправились. Спустя несколько времени Я опять увидела и подождала несколько времени — однако у них все не было исправления. Тогда Я опять дала им вразумление — и опять исправления не было. Они пошли по пути широкому и греховному; вместо того, чтобы надеяться на Бога Живаго, пекущегося и промысляющего о них, они оставили все свое попечение о спасении, как было прежде, оставили жизнь в Боге и начали жить в похоти плоти, предались временным грехам и удовольствиям. Им еще дается время ко исправлению жизни и покаянию.”

Всесвятая Владычица еще много говорила к моему окаянству, утверждая меня в послушании Всесвятой воле Ее и Господа Бога. Владычица сошла вниз горы, и я поклонился Ей до земли. Она отступила и стала невидима, а с Нею и все святые стали невидимыми. Это явление началось с десяти часов вечера девятого марта.

Боже мой, какой ужас объял меня! Что было со мною — не помню. Я сел или, скорее, повалился на землю и сидел на том месте до тех пор, пока не встали братья Иоанн и Гавриил. Они вышли из келии и начали по обычаю обходить сад. Так они нашли меня, сидевшего на снегу. Снег тогда был глубокий, а также ударил сильный мороз. Я, пробыв столько времени на морозе, не чувствовал ни малейшего холода — мне было тепло, как летом, и я позабыл даже, что теперь зима и холодно. Они взяли меня в келию, думая, что я замерз. А я только плакал и плакал. Слезы ручьями текли у меня из глаз, и я не мог выговорить ни одного слова. Они стали читать святые утренние молитвы и правило, прочли канон всем святым и начали пить чай. Когда мы напились чаю, я просил их никому ничего не говорить и все, что они здесь видели и впредь увидят, предавать забвению и не увлекаться совершенно, чтобы не

впасть в прелесть и не повредить себе; а место, где была насыпана куча снега и которое было огорожено дровами, соблюдать в чистоте, беречь и охранять его, а также охранять всю дорожку оттуда и до верху до самой калитки.

Примечание:

В Свято-Троицком храме над входными северными дверями изображено явление отцу Ионе Пречистой Девы с ликами святых, бывшее, по его свидетельству, девятого марта 1862 года. Владычица изображена в огненной купине. Одежда: голубая мантия, на главе царственный венец. В правой руке кропило. Ее окружают справа: апостол Петр с сосудом святой воды, далее апостолы Иаков и Иоанн Богослов, преподобные Афанасий Афонский, Феодор Студит, Антоний и Феодосий Печерские, святитель Михаил, митрополит Киевский, Петр Афонский, Антоний Великий, Феодосий Великий, Пахомий Великий, Паисий Великий, Сысой Великий, Евфимий Великий, Арсений Великий, Савва Освященный, Дорофей, Варсануфий, Пимен Великий, Ефрем Сирий, Харитон Исповедник, Андрей Критский, Кассиан Римлянин, Исаак Сирий, Марк Фрачевский, Макарий Александрийский, Макарий Египетский, Павел Препростый, Пафнутий, Иоасаф Царевич, Иоанн Лествичник, Иоанн Колов, Виталий, Досифей, Варлаам, Акакий, иже в Лествице. С левой стороны: святой Иоанн Креститель, апостолы Павел, Матфей, Марк, Андрей, Симон, Филипп, Лука, святитель Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, апостолы Фома и Варфоломей. Пророки: Моисей, Аарон, царь Давид, царица Феодора. Праотцы: Авраам, Исаак, Иаков, царь Мелхиседек. Пророки: Исаия и Иеремия, Иисус Навин, Илия, Елисей, Иезекииль, Даниил и Иов Многострадальный. Обе эти иконы писаны масляными красками на стенах по штукатурке, размером во всю стену от дверей до потолка.

Часть четвертая

Скорби, испытания и их плоды

Обитель Святой Троицы

Вскоре начал строиться двухэтажный деревянный дом, а в этом доме — церковь во имя Живоначальной Троицы. Иконостас делали в Петербурге из красного кипариса; святой Престол и Жертвенник — из того же дерева, святые иконы были написаны в городе Туле известным художником Василием Васильевичем Чумаковым. По разрешению Святейшего Синода и владыки Арсения, митрополита Киевского, было назначено освящение святого Престола. Освящал его четвертого мая 1864 года архимандрит Выдубицкого монастыря Вениамин с четырьмя иеромонахами и иеродиаконами. Святейший Синод указал и определил мне жить в саду и служить в церкви. Княгиня Васильчикова определила десять тысяч рублей на содержание церкви. На эту сумму также должны были быть наняты клирошане.

По внушению Божию Московский митрополит Филарет понудил княгиню Екатерину Алексеевну Васильчикову хлопотать о разрешении монастырей, и по его настоянию было положено учредить на сем месте мужской общежительный монастырь во имя Живоначальной Троицы. Княгиня Васильчикова отдала часть своего имения Гусенцы Полтавской губернии Переяславского уезда на монастырь и сделала дарственную. Она представила блаженной памяти Императору Александру Николаевичу прошение о разрешении учредить мужской общежительный монастырь для братии, которая поступала бы в него только из мира, но никак не из других монастырей, а также документы о земле на обеспечение будущих иноков.

Государь, получив от нее прошение, поехал к митрополиту Киевскому Арсению и говорит ему с удивлением: “Княгиня Васильчикова подала мне прошение об учреждении

монастыря в городе Киеве на Зверинце. Я удивляюсь, что это с ней? Прежде она была против этого, а теперь сама ходатайствует об открытии монастыря.” Владыка митрополит говорит: “Я думаю, что нет надобности открывать еще один монастырь, так как там и так их довольно”. Государь, поговорив с владыкой, поехал к себе во дворец. Однако мысль об открытии святой обители не оставляла его. Дома он разговаривал об этом деле с великим князем Константином Николаевичем и государыней. К обеду государь нарочно пригласил обер-прокурора Святейшего Синода графа Толстого, министра двора Аллерберга. Здесь же присутствовали великие князья: Константин Николаевич, Николай Николаевич, Михаил Николаевич, а также митрополит Арсений, княгиня Васильчикова и Строгановы. За обедом государь завел речь о желании княгини учредить в Киеве на Зверинце мужской монастырь. Государь потребовал от всех мнения. Некоторые соглашались с желанием княгини, а некоторые находили монастырь ненужным. Особенно против открытия монастыря восставал граф Аллерберг. Владыка Арсений поддерживал мнение Аллерберга. Государь и великие князья держали сторону Васильчиковой. Выйдя из-за стола, они подняли серьезный спор о монастыре и монахах.

Государь рассердился, надел шинель и пошел в сад прогуляться. А там было совершено покушение на его жизнь: злоумышленник сделал в него выстрел из пистолета, но Господь Бог сохранил его целым и невредимым — пуля пролетела мимо. Тогда государь, видя в спасении своей жизни такое неисповедимое милосердие Божие и Божией Матери, пошел в Казанский Собор и отслужил благодарственный молебен Господу Богу и Божией Матери, а затем, возвратившись пешком из собора, зарыдал.

Долго плакал государь. Затем, успокоившись немного, он говорит: “А что, господа, не надо монастыря? А я верю, что Господь Бог и Божия Матерь спасли мою жизнь молитвами того монастыря.” — На это все молчали. Тогда государь пошел в кабинет, вынес прошение княгини и при всех написал: “Утверждаю и разрешаю устроиться в городе Киеве на Зверинце Свято-Троицкому общежительному монастырю на правах и началах древних святых обителей со скитом, который иноки по своему усмотрению изберут устроить для схимников, отшельников и совершенных безмолвников. Этот монастырь и на будущее время утверждается образцовым для всех монастырей. При этом монастыре учреждаются благотворительные заведения: училище для сирот и полусирот, больница для братьев и странных пришельцев, а также странноприимный дом. Странникам от монастыря должны подаваться покой и пища.”

Все стояли как оглушенные, а стыднее всех было Аллербергу и подобным ему. Государь тут же повелел пригласить княгиню Васильчикову и соизволил сказать ей при всех: “Я вижу Промысл Божий: молитвы нового монастыря спасли меня от смерти, а Россию от страшного потрясения”. И вручил ей подписанное прошение, добавив: “Если что будет от меня нужно — я все сделаю”. Потом он поехал к митрополиту Арсению и все пересказал ему о чудесном спасении своей жизни и о монастыре.

Это было в 1866 году пятого апреля, а шестого апреля мы получили от обер-прокурора графа Толстого телеграмму об учреждении монастыря. В ней говорилось, что вся братия, собранная на сем месте Богом, должна следовать, исполнять и хранить словеса Господа Иисуса Христа, Спасителя и Учителя нашего: “Взалкахся бо, и дасте Ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя; странен бех, и введосте Мене”. О детях же, приведенных к Иисусу Христу, Он, возложив на них Свои Божественные руки, сказал: “Таковых есть Царствие Небесное”. Во имя Отца и Сына и Святого Духа учреждается сия святая обитель и при ней все благотворительные учреждения со скитом для спасающихся, истинно возлюбивших Господа и предавших всех себя Ему во славу Божию и в вечное спасение.

На таких мыслях, желаниях и любви к Богу и ближнему, во отраду и вечное спасение множества людей, благодатию Божиею и милостию Всесвятой Владычицы Богородицы и был основан монастырь.

Владыка митрополит Арсений и княгиня Васильчикова изволили прибыть ко мне и вручили все бумаги от государя и Святейшего Синода, а также планы местности монастыря и его земель и план Гусинского имения. Сам владыка митрополит был здесь, все подробно пересказал нам и сказал: “Я сам видел неисповедимую силу и благодать, указывавшие на начало сего святого дела; Сам Господь Бог восхотел всему этому быть. Я видел и уверился, что во всем Его святая воля.”

Владыка много помогал в устройстве монастыря, учил всему, чего мы не знали, и всегда оказывал святой обители особое внимание и попечение. Ныне благодатию Божией святая обитель устроена...

История чудотворной иконы

Почти сразу же после своего основания новая обитель получила великое благословение в виде иконы Святой Троицы. Сам старец в своей рукописи описывает ее историю:

Спустя некоторое время после посещения святой обители Божией Матерью девятого марта я получил посылку. Открываю ящик и вижу святой образ Бога Отца. Там же нашел письмо следующего содержания:

“Отец Иона, просим Вас принять в Вашу святую обитель святой образ Бога Отца и объясняем следующее, происшедшее с уроженцем нашего города, отставным майором, который был сильно ранен в турецкой войне. Бой продолжался несколько дней. Нельзя было ни подбирать раненых, ни хоронить убитых, ни даже оказать какой бы то ни было помощи. Раненые лежали на поле, страшно страдая, истекая кровью, томясь от жажды, и многие умирали. Майор тоже лежал между убитыми и ранеными — с тяжелой раной головы. Некоторое время он был без сознания. Когда сознание вернулось к нему, он начал тяжело страдать, моля Бога и Божию Матерь о помощи и спасении. На пятый или шестой день ранним утром на заре он увидел женщин, обходивших больных. Они были одеты как простые крестьянки и покрыты белыми платочками.

Подойдя к раненому, они перевязывали его раны, давали испить чистой прохладной воды, кусочек белого хлеба и шли к другому. Умерших они осеяли крестным знаменiem. Майор видел все это и думал: “Господи, откуда эти женщины? Здесь близко нет никакого жилья, а как хорошо они ухаживают за больными.” Потом, говорит он, подошли они и ко мне и сказали: “Мир тебе, и да подаст тебе Господь здоровье”. Умыли мне лицо, руки, обмыли раны на теле и голове, вымыли мое окровавленное тело, переменили белье, напоили чистою водою, дали ломтик белого хлеба, и старшая из них говорит: “Терпите ради Бога, и кто покорится и все перетерпит, тот получит Царствие Небесное”. И так они приходили к нам каждый день. Я спросил имена этих добрых женщин, но они мне не сказали, а только старшая сказала: “Благодарите Божию Матерь и всех святых”.

Через семь дней нас подобрали и отправили в госпиталь. По выздоровлении я вышел в отставку и жил дома. Нас было двое с женой; я всегда помнил происшедшее со мною на поле и в благодарность хотел купить образ. Прошло много времени, мы с женой приехали в Киев на богомолье. Здесь я хотел приобрести образ, но не знал, какой. Мы обошли все иконные лавки Киева и Святой Лавры, но нигде не могли подыскать иконы, которая бы нам понравилась. Однажды после Божественной Литургии в Великой церкви мы с женой вышли в святые ворота и направились в гостиницу. Вдруг у святых ворот подходит к нам женщина и говорит: “Вы желали купить образ? — У меня есть, купите”. Она держала его в руках завернутым в чистый белый платок. Таким же платком она была покрыта сама. Одета просто. Я смотрю на нее и думаю: где-то я видел эту женщину. И она смотрит на меня и говорит: “Вы желали иметь святой образ, возьмите его у меня”. Сняла с образа платок, и я увидел его. Он мне очень понравился, как будто был тот самый образ, который я хотел купить. Я спросил ее о цене. Она сказала, что дорого не возьмет и что я дам за него, тем она и останется довольна. Жене моей образ тоже очень понравился, и она посоветовала мне взять

его. Я попросил женщину дойти с нами до гостиницы и там получить деньги. Подойдя к гостинице, я обернулся, но женщины уже не было. Я начал скорбеть, искать ее всюду, но так и не нашел. Я освятил икону. Спустя несколько лет эта Женщина явилась мне во сне и говорит: “Не скорби, успокойся и не ищи Меня. Я одна из тех, которые прислуживали тебе и прочим раненым на поле”. После этого я успокоился.

Икона же начала менять вид: лик, нос, глаза, пальцы делались выпуклыми, как у живого человека, и так продолжалось несколько времени. Все наши это видели. Потом из пальца потекло масло. Мы сначала не обратили на это внимания, и оно текло по божнице. Потом ваткой стали собирать его в пузырек и давать больным, и все получали исцеление...

Мы с женой постарели и стали задумываться, куда нам девать икону. Эта мысль несколько лет беспокоила нас. Раз мы с женой стояли на молитве, и вдруг слышим от иконы голос: “Образ сей будет иметь место и будет в почете — не скорбите”. Мы омертвели от страха, а потом успокоились и договорились, что когда кто из нас умрет, то оставшийся в живых должен отыскать в нашем родстве доброе и боголюбивое семейство и поручить ему святую икону до времени, пока Сам Господь позаботится о ней.

Умер муж. Жена нашла пожилую благочестивую девицу, поручила ей на хранение икону и все о ней рассказала. Девица хранила икону, и от нее было много чудес. Когда девица состарилась и почувствовала приближение смерти, то передала святую икону приходскому священнику, а вместе с ней описание ее истории и все бумаги. Священник поставил икону в церкви, и прихожане почитали ее. Однажды после Херувимской песни, по перенесении Даров в церкви раздался громкий голос, и весь народ слышал, что этот голос исходил от иконы: “Сей Мой образ отправь в Киев и отдай иеромонаху Ионе. Он живет выше Выдубицкого монастыря в саду; там будет строиться святая обитель во имя Живоначальной Троицы. Сей образ должен стоять в святом алтаре на жертвеннике — отправь его немедленно.” Все слышали голос от иконы, но от какой — священник не знал. Народ пришел в ужас. Священник успокоил народ, отслужил молебен Святой Троице, но иконы не отправил.

Прошло некоторое время. Так же в воскресенье, во время Божественной Литургии, когда священник читал заамвонную молитву, снова раздался громкий голос от той же иконы: “О, иерей, что медлишь, почто не отсылаешь в указанное тебе место сей Мой образ. Пошли его на имя иеромонаха Ионы. Он живет в саду выше Выдубицкого Михайловского монастыря. Будь здоров ты, и вы все люди будьте здоровы.” И образ осиял. Тогда все увидели, откуда исходил голос. По окончании Божественной Литургии отслужили молебен Святой Живоначальной Троице, и все приложились к святому образу.”

Священник в скором времени отправил мне святую икону по почте. Получив святой образ, я поставил его в келии... Святая икона и теперь стоит в церкви, в алтаре, на жертвеннике, как сказано в завещании святого одного гласа.

Принципы новой обители

Уже с самого основания монастыря Святой Троицы старец Иона имел целью применение в его жизни тех начал монашества, которые он воспринял, живя рядом со святым Серафимом Саровским и монахами аскетической школы преподобного Паисия Величковского.

С самого начала устав монастыря не позволял принимать в монахи тех, кто переходил из других монастырей, но только тех, кто приходил из мира. Тогда, как, впрочем, и сейчас, в России существовал плохой обычай, чтобы монахи меняли монастыри. Это всегда плохо сказывалось как на жизни обителей, так и на духовном состоянии самих монахов.

Монастырь Святой Троицы был настоящей, а не формальной общежительной обителью, где все имущество было общим и никто из братии не имел ничего своего. Монахам строго запрещалось выходить за пределы обители без благословения, как это было распространено

в ту эпоху. Об этих правилах существования новой обители пишет сам старец в своем письме к обер-прокурору Святейшего Синода.

Второй отрывок из письма к обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву

В святой обители совершается и строго хранится устав святого Федора Студита: в церкви Божией, трапезе, поварне, хлебне, просфорне и всех послушаниях, а также по келиям, как в монастыре, так и вне монастыря — в монастырских владениях. Строго воспрещается, чтобы кто-то имел что-либо свое, но чтобы все было общее. Совершенно воспрещаются самовольные отлучки из монастыря, знакомства с мирскими людьми, пьянство и другие неблаговидные поступки. Нарушители не терпят и выгоняются вон навсегда. Из других обителей никто не принимается единственно для того, чтобы сохранить целостность и благоустройство всех братий. И ныне благодатию Божиею всецело и везде без всякого нарушения сохраняются сии священные правила, заветы и предания Святых Отец...

Все стороны жизни монахов обители отличались христоподражательной бедностью: в одежде, обстановке келий, еде. И сам старец как летом, так и зимой носил одни и те же сапоги, легкий потертый подрясник и убогую рясу. Одни из самых верных его учеников — отец Мануил — писал:

“Старец Иона сам был такого духа, что не принадлежал уже ничему земному; того же требовал он и от братии. Но мы, в числе их и я, далеко еще были от духовного совершенства нашего великого аввы.”

Послушание для старца было самым главным признаком духовной зрелости монаха. Архимандрит Спиридон рассказывает в связи с этим следующую историю:

“У него был обычай два-три раза в неделю обходить весь монастырь, все послушания, монастырские заведения, смотреть, где и как братия трудится... Ходил всегда один, без келейника, несмотря на возраст. И вот однажды идет отец Иона мимо здания братской трапезы. Навстречу ему идет послушник, неся большую стопу тарелок. Поскольку руки у послушника были заняты, благословения надлежащим образом он не мог взять, а только низко поклонился и сказал:

- Благословите, батюшка.
- Бог благословит. Что несешь?
- Тарелки, батюшка.
- Куда?
- В трапезу.

И тут отец Иона почти грозным тоном скомандовал:

- Брось!

Тот моментально, не размышляя, бросил всю стопу тарелок себе под ноги на кирпичный тротуар. От тарелок остались одни черепки. Неизвестно, что получил послушник от старших трапезных, но отец Иона вызвал благочинного и распорядился:

- Запиши такого-то на постриг — он будет истинный монах.

А тот и послушником-то был немногим более года.”

Каждый постриг монахов был для монастыря большим событием. Об одном таком случае — особенно необычном, потому что тогда за один раз постригалось двадцать шесть монахов, — который произошел седьмого января 1885 года, в праздник святого Предтечи Господня Иоанна, рассказывает бывший тогда послушником Митрофан Ковш, который в тот

день стал монахом с именем Мануил, а затем в великой схиме получил имя Серафим. Митрофан был послушником на протяжении одиннадцати лет, и все это время диавол постоянно вел с ним брань, чтобы он оставил обитель. И когда Митрофан наконец победил свой помысел, старец, которому это было открыто, немедленно благословил его на постриг. Ночью на пятый день непрерывного пребывания в церкви после пострига, как того требовал устав обители, монах Мануил в тонком сне увидел безутешно скорбящих демонов. И когда сам их князь спросил их, почему они скорбят, демоны ответили ему: “Как нам не скорбеть, когда Иона постриг столько монахов?”

Старец насаждал среди своих учеников священную традицию умной молитвы. На этот счет мы располагаем свидетельством монаха Виктора, который рассказывает следующее:

Однажды старец заказал иеромонаху Ираклию, опытному столяру, сделать штук двадцать пять особых низеньких скамеечек. Когда они были готовы, старец велел позвать старших монахов и раздать им эти скамеечки с таким советом:

“Когда вы свободны, то после общего правила садитесь на эти скамеечки и занимайтесь на четках Иисусовой молитвой, сколько позволяет время — с полчаса или час. Этим ум просвещается. После этого можно ложиться — непременно на правый бок. Лежа прочитывайте покаянный псалом *Помилуй мя, Боже* и *Верую*. Делайте так всегда и храните совесть. Если будете так делать, то Бог вас не оставит и пошлет все нужное — даже через забор вам набросают. А если не будете хранить совесть — пойдете за забор, и там ничего не дадут”.

Развитие обители

Монастырь развивался как духовно, так и внешне. Небольшой деревянный храм вскоре не смог уже вмещать всех молящихся, и поэтому было решено построить новую каменную церковь. Таким образом был построен главный храм в честь Святой Троицы с приделом в честь Божьей Матери Троеручицы, который был освящен 28 ноября 1871 года митрополитом Киевским Арсением. Позже к нему был пристроен еще один придел в честь Всех Святых. Также были построены игуменский дом, крыло с келиями, трапезная, гостиница, больница, просфорня и различные мастерские. Монахи работали в монастырском имении Гусенцы и имели свои собственные фрукты, овощи, зерно, воск, рыбу и так далее. К концу столетия численность монастырской братии достигла 462 человек.

Старец имел особое попечение о паломниках и нищих, которые не имели пищи и крыши над головой. Каждый день приблизительно четверемстам паломникам предлагалось двухразовое горячее питание и ночлег в трех гостиницах. Также на средства обители содержалась школа для мальчиков-сирот. Такое развитие монастыря было благословением Божиим и Богородицы, как это видно из одного посещения обители Божьей Матерью и Иоанном Предтечей, как его описывает сам старец:

Не могу умолчать и предать забвению неисповедимые и несказанные благости и милости Многомилостивого Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа и Всесвятой Владычицы и теплейшей Хранительницы, Заступницы и Покровительницы верных Господеви человеков, любящих Бога, наблюдающих за собою и ограждающих себя от наветов врага-диавола и искусителя сатаны. Было это так: вечером, по окончании богослужения в большой церкви, только не помню, какого года, вся братия старшая, средняя и младшая по совершении всех своих келейных правил пребывала в келиях. Я тоже был в своей келии один и хотел было уже ложиться спать. Вдруг приходит сторож-послушник Кондрат, который после того вскоре скончался, и творит молитву. Я ответил: “Аминь” — и отворил ему дверь. Он, весь дрожа от ужаса, трепетно-прерывистым голосом говорит мне: “Святая Владычица Богородица со святым Иоанном Крестителем послали меня сказать Вам,

чтобы Вы шли к Ним туда. Они ожидают Вас внизу, около церкви.” Когда я услышал это, то и по мне прошел мороз, страх, однако и бодрость. Я наскоро оделся в подрясник, спальню (т. е. шапку) надел, поскорее прочитал “Достойно есть...” до конца, поклон. “Слава, и ныне”, “Господи помилуй” трижды. Поклон. “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас.” Поклон. “Господи, благослови.” И поскорее пошел вниз по ступенькам.

Прихожу и вижу: стоит Владычица Всесвятая Богородица и святой великий Господень Предтеча и Креститель Иоанн. Владычица зовет меня: “Иди, не бойся и не ужасайся, мир тебе и благодать от Господа Бога Сына Моего. Здрав буди и спасайся, да почивает на тебе и на всей Духом Святым собранной братии, живущей с тобою, Божественная Благодать, и да пребывает всегда, ныне и во веки.” И говорит ко мне Предтеча: “Говори: Аминь”. И Владычица говорит милостиво: “Я пришла посетить святую обитель и всю братию, живущую с тобою”. Я поклонился Владычице до земли, как поклонился Ей тогда, когда пришел к Ней сначала, и, став на колени, попросил, да милостиво благоизволит посетить и воззреть на всех и на вся и милостиво всех благословит... “Ты думаешь, что Я только ныне к вам пришла? Не тако есть, и Я только показала вам Себя пятый раз. Скажу тебе, что Я всегда, каждую субботу во время акафиста ко Мне бываю и всех в святой обители посещаю: всю братию старшую и юную, все келии обхожу, в каждой бываю и радостно всех приветствую. И Моя душа веселится о них и об их пребывании пред Богом.” Войдя в малую церковь, в святой алтарь, Владычица поклонилась и приложилась ко святому Престолу, также к святому Евангелию и святому Кресту Господню. Потом к ним приложился святой Иоанн Креститель.

Выйдя из святой церкви, они изволили посетить келии отца Иллариона монаха и отца Иоилы. Тут же Она благословила их обоих спящих. Потом Владычица сошла в нижний этаж и там благословила спавших в келиях. И спали они благообразно. Обойдя все тамо келии, она посетила дальше просфорню и все келии и благословила всех их благообразно спавших. Придя в школу, Она благословила всех благообразно спавших там детей и смотрителя; зашла в больницу и благословила больных, которые спали благообразно. В келию Христофора иеромонаха, пребывавшего в безобразии и жившего в числе братии, Она не благоизволила внити и повелела совсем удалить его из обители. В другой келии дверь была отвержена. Сюда Владычица тоже не изволила внити. Там был послушник, принятый в число братий из другой обители, который также спал безобразно. И сего Владычица повелела совсем удалить из обители. И так Она благословляла все келии по ряду и всех братьев, спавших благообразно. Затем подошла к колодцу и благословила внутри него. Вошла в братскую трапезу и, увидев на ее потолке написанный гроб Владычицы, пелену и предстоящих святых апостолов, а также Саму Себя, изображенную на воздухе горе, изрекла: “Се истина есть”.

Обойдя все келии, трапезную, братскую кухню, келии поваров, келии внизу, чайную и дорогу до ворот, Она благословила всех спавших благообразно в келиях. В келию пчельника Прокопия, находившегося в безобразии, Она не пошла и повелела удалить его из обители. В святой Великой церкви и во святом алтаре Пречистая изволила поклониться святому Престолу Господню, святому Евангелию и святому Кресту, а также святому Престолу в приделе. Она благоизволила посетить всех братий, была в келиях иеромонахов, монахов, послушников — всех посетила и благословила. Двух же послушников, только что поступивших, Иакова и Илию, Она повелела удалить из святой обители и не принимать, ибо они безобразны суть.

Обойдя вокруг святой церкви, Она пошла в гостиницу, посетила всех богомольцев. Спавших неблагообразно Она не благословила, а благообразно — благословила; благословила также гостинников. Затем Владычица говорит: “Еще нужно посетить, любве ради к Богу и ближнему, трудящихся. Пойду, да вижу их.” Когда Она вошла в хлебню, там уже начали в деже месить хлеб. Когда месившие обошли три раза, мешая тесто веслами, и остановились, чтобы прибавить к замесу муки, Владычица подошла к деже и благословила тесто и каждого брата по три раза. А у старшего брата хлебника благословила голову, перси, руки, а потом и всего его три раза. Потом благословила муку, воду, печь, все орудия и

говорит: “Да будет и пребудет на них и на деле сем святом благодать Господа Спаса, Бога, Сына Моего и Моя и да почиет на месте сем святом во век века...”

Затем Владычица благословила конные обиталища, говоря: “Да служат и работают для всех во благо, во славу Божию и на пользу святых обители сия”. И говорит мне: “Пойдем также в коровьи загоны, да видим оныя”. И пошли мы на скотный двор. Обойдя обиталище, где в помещении находились коровы, и обозрев все оные, Она благословила коров, бычков и малых телят. Оттуда мы пошли в помещение, где жили находившиеся в послушании и труде около сего скота. Видя всех их благообразно спящими, так что руки у каждого были сложены крестообразно при персях, Владычица весело воззрела на них и благословила всех их.

Затем Она обошла келии сестер, спавших благообразно, и благословила всех их. Выйдя оттуда на гору ко святой церкви, Владычица обошла вокруг церкви и говорит: “Объявляю завет Мой и дело Мое: каждую субботу, когда поется акафист Мне, Я всегда бываю везде и посещаю всех; и еще узрю кого в безобразии находящегося — отлучу, и отвергну, и извергну его отсюда. Тех же, кто верно трудится, пребывает в любви к Богу и терпит ради Бога труд и скудость, всегда укрепляет, сохраняет, утешает и спасает благодать Божия и Моя.”

И я осмелился сказать Владычице: “Ты изволила быть в хлебне, а никакого знамения Своего присутствия там не явила”. — “Вем сие, — говорит Владычица. — Если Мне давать знамения везде, где Я только бываю, то мал успех будет спасающимся. Каждый в неведении тщится приобрести благодать Божию, благоугодити Богу и спастися, а когда ощутит Мое посещение, то находит на него покой, мечтание, и он начинает мало трудиться, отчего впадает в ослабу и нерадение. Поэтому лучше имети труд и подвиг. И сим каждый преуспевает, имеет всегда страх Божий, благоговение, память Божию, ревность Божественного рачения, желание быть с Богом и благоугождать Ему. И так мало-помалу спасающийся приходит в силу и совершенство. Таким образом спасается всякий любящий Бога и всего себя предавший Ему.”

Так Всесвятая Владычица Госпожа Богородица благоизволила обойти всех и вся и изволила сказать: “Зело люблю отдавших себя Господеву в послушание всесвященной Божественной воле Его, трудящихся и благолюбивно терпящих все за едину любовь к Сыну и Богу Моему. Они возводят очи свои ко Мне, и Аз всегда к ним и с ними есмь. Сии суть святой Ангельский чин иноков и инокинь. Зело радуется о них дух Мой и веселится сердце и душа Моя, и утешение Мое в них. Блажени бо живущии в дому Божии и приметающиеся во дворах дому Господня: Господь Бог есть посреди их, и веселится святая душа Его в них. Возвеселит и их Господь Сил веселием вечным и радостью неисповедимою и во веки неизменною.” Божественный Предтеча Господень говорит ко мне: “Говори: Аминь”. И я сказал: “Аминь” — и поклонился Всесвятой Владычице до земли. Она благословила всю святую обитель, всю братию и всех тружениц скотного двора и всех по имени нарекла: огородниц всех, моющих белье и пришельцев, пришедших потрудиться, посетить и поклониться священным местам града Киева и всем святым в нем и принести свои молитвы ко Господу Богу. Я сказал: “Аминь” — и поклонился до земли.

Владычица благоизволила идти вниз к малой церкви и, придя на то самое место, где благоизволила стоять во время первого, второго и третьего Своего посещения, паки изволила стати на сем месте, и говорит: “Слыши, Бог есть давая мудрость, силу, благодать и спасение человеком, ищущим Господа и благоугождающим Ему, и никогда не оскудеют от них щедроты Его. Тако будет и есть на месте сем святом Его. Еще благоволит Господь Бог и Сын Мой кого избрати и призвати на место святое сие еже быти и жити zde — не отвращайся и приеми его. Истязуй в нем веру, надежду и любовь ко Господу: имать ли он готовность жити, делати, хранити и благоугождати Ему? И еще обрящется сие в нем и готов он будет терпети вся находящая за едину любовь к Богу, приеми его, да спасется и да имеет похвалу от Бога.” Паки благословила Владычица святую обитель и всех живущих в ней.

Поклонился я, окаянный гнилой чурбан, в землю, а Владычица рече: “Оные безобразные — выведи всех их из святой обители, да не будут zde — не полезны бо суть.

Егда буду семо и аще обрящу таковые, не потерплю.” И тако Владычица, подавши всем мир, отошла и стала невидимой, вместе со святым Иоанном Предтечей.

Скорби старца Ионы

Тогда как весь простой православный народ России любил и чтит старца Иону, многие священники и монахи из других киевских монастырей не очень его жаловали, а некоторые даже ненавидели. Особенно его не любили в соседней Лавре. Иногда дело доходило до того, что паломникам, желавшим попасть в монастырь Святой Троицы, давали ложные сведения. Говорили, например, что отец Иона будто бы умер, а монастырь закрыли.

Епископ Тамбовский и Калужский Виталий, который был верным духовным чадом старца, послал однажды к нему одного помещика, хотевшего обсудить какой-то вопрос. Тот, посетив вместе с семьей сначала Лавру, спросил у гостиничного:

- Сколько отсюда до монастыря отца Ионы?
- Это очень далеко — около пятидесяти километров, — ответил тот.
- Да, это действительно далеко, однако я поеду туда во что бы то ни стало, пусть это будет и сто километров.

Он вышел из Лавры и спросил какого-то извозчика:

- Знаешь как ехать к отцу Ионе?
- Как же не знать?!
- Сколько хочешь?
- Три рубля.

Помещик удивился, как можно за три рубля проехать пятьдесят километров:

- Ты уверен, что хорошо знаешь дорогу? — спросил он его. — Сколько это километров?
- Около трех.

Тогда помещик понял, что гостиничный сказал ему ложь. В другое время опять один лаврский монах спросил с досадой послушника старца Ионы:

- Когда уже умрет Иона?
- А ты разве не читал, что праведный пребывает во веки? — ответил тот.

Отцу Ионе приходилось переживать множество скорбей, как и всякому игумену, который истинно печется о своих духовных чадах. Однако во всех этих испытаниях его постоянно сопровождало Божественное утешение. Так, например, в 1887 году ему явился преподобный Сергей Радонежский со своими учениками, чтобы утешить его:

Посещение преподобным Сергием Радонежским

Днем часов в двенадцать или в час пополудни я был в келии и занимался пересматриванием бумаг и святых книг. Я был один. Вдруг слышу, кто-то ясно творит молитву и идет ко мне. Подойдя близко, говорит: “Благослови, отче. Спасайся, отче.” Я подумал, что это пришел кто-то из нашей братии и не оглядываюсь, но делаю свое дело. Потом оглянулся и увидел благовидных и светолепных старцев. Мне стало совестно, что я не встретил их, и я говорю: “Простите, батюшки и святии отцы, что я обратился к вашей святыне так невежливо. Я полагал, что это кто-то из нашей братии пришел. Прошу вас о Господе сесть и благословить мое недостоинство”. Они изволили сесть. Я спрашиваю их: “Откуда Бог принес вас посетить святые места, так что благоизволили еще и к нам грешным прийти.” Старший старец — седовласый, с седой бородой, роста среднего, в святой схиме и мантии — говорит ласково и кротко: “Я пришел к тебе, отче, со своими учениками-иноками, чтобы поговорить с тобою. Сколько ты трудишься, работаешь, а ко мне ни разу не зашел, ни

за чем ко мне не обращаешься, а у меня ведь тоже обитель во имя Святой Живоначальной Троицы.”

Я говорю ему: “Простите меня, батюшка, к кому я могу обратиться, да и смею ли: такой маленький, скудоумный, невежественный и ничтожный человек? Могу ли я осмелиться это сделать? Крайнее невежество не позволяет мне беспокоить кого-либо. Я и слов связать не умею, и произнести их пред кем-нибудь совершенно не могу. Поэтому как мне осмелиться беспокоить Богоугодных отцев и Боголюбивых мужей? И ныне, батюшка, отче святой, простите меня Бога ради. Как видите, что не от гордости, а от невежества и ничтожества я не смел и не смею беспокоить кого-либо.”

И говорит старший: “Я давно ожидал тебя, что ты обратишься ко мне за каким-нибудь советом или вопросом. Я радостно смотрел на все твое дело и с любовью по Бозе утешался. Ныне же твое молчание побудило меня прийти к тебе, видеть тебя и высказать тебе все, что есть во мне пред Богом. Любовь по Бозе понудила меня и моих со мною прийти навестить тебя и поговорить с тобою обо всем. Скажу тебе, что все что ты делаешь и терпишь, то и я на себе испытал, прошел на деле, и Господь Бог и Всесвятая Владычица помогли, вразумили и утешили меня. Господь Бог Своею милостью и помощью все сотворил и показал мне Свое неисповедимое милосердие.

Знаешь ли ты, отче, что дело мое, как и твое, не легкое. Ты когда-нибудь читал обо мне? Все это, батюшка, дела Божии и святые — они не легко совершаются. Я пришел к тебе по Божию благословению, чтобы навестить тебя. Не унывай, Бог избрал нас орудием Своего дела, все же делание Его есть, а мы лишь исполнители всех Его предначертаний. Теперь я вижу и понимаю, что было со мною тогда: много труда и скорби перенес я и сотрудники мои. Нелегко было и им со мною: через меня они терпели и любовь о Бозе покрывали укоризны, труды, хулы и поношения. Мы являемся бревном в очах некоторых людей и кажемся для них очень странными. Своим делом мы ожесточаем их сердца, оно приводит их в ярость и раздражение, является им темною тучей. Заметил ли ты все это, отче? Я все это испытал на себе, также и ученики мои все это испытали.

Написано: “Храни незлобие и виждь правоту” — и паки: “Господи, остави им, не постави во грех, не ведают бо, что творят”. Вот что мы должны делать. Слышишь, отче, я тебя предупреждаю: если тебе что нужно — ты всегда смело обращай ко мне; я всегда готов тебе послужить ради любви к Богу.”

“Простите, батюшка, верите ли вы мне, но я никак не могу собраться с духом высказать свою мысль в тяжкие минуты. Да и кто обратит внимание на мою скорбь — только посмеется надо мною. В тяжелые минуты я всегда прибегаю к Господу Богу, Матери Божией и всем святым. И так, слава Богу, препровождаю дни делания моего пред очима Божиими. Господь Бог, Матерь Божия и все святые дивно покрывают, помогают, утешают меня и всех со мною.

Осмелюсь, батюшка, предложить вам покушать нашей братской хлеба-соли, любве ради к Богу. Я сейчас велю поставить самовар. Попьете чайку, а потом и закусите. Когда изволите, я скажу конюху отвезти вас, куда изволите указать. “Нет, отче, успокойся, мы пришли к вам пешие — так и обратно пойдем.” — “А где же вы остановились — в Святой Лавре или в монастыре святой великомученицы Варвары?” — “Нет, мы — в Лавре. Еще предварю тебя, отче: в святую обитель придут многие и возжелают посвятить свою жизнь Господеву — не отвергай их. Испытывай их, но не отвращайся от них. Сам Господь Бог избрал и призвал их. Дух Святой не оставляет их и вводит во святую обитель сию. Так было у меня и ныне есть, хотя и меньше. Никого из них не оставляй и не предоставляй самим себе, но поручай руководителю-старцу, да навькнут любить Господа Бога и благоугождати Ему. Те, которые в смирении и усердии проходят свое святое послушание, придут с помощью Божией в меру совершенства, а ты будешь иметь за них похвалу.”

Я говорю им: “Простите меня, отцы святии, из какой вы святой обители? Из Оптиной пустыни или из иной какой?” Старец улыбнулся весело и говорит: “Из Радонежа мы,

радонежские. Мы все оттуда. Там есть святая обитель Святой Живоначальной Троицы.” — “Давно ли, отцы святии, вы там живете, и какое ваше святое послушание?” — “Игумен, отче.” — “Как ваше святое имя?” — “Сергий. Я тебе уже все о себе рассказал, как я трудился милосердием Божиим. Также и тебе мы желаем успеха в твоих трудах. Еще я пришел сказать тебе, чтобы в церкви не спешили читать и петь, но совершали все службы неспешно, со вниманием, ибо иначе подпадают под проклятие Божие. Я — Сергий Радонежский, а сии суть мои ученики.”

Они помолились ко святым иконам и сделали по три земных поклона. При этом крестились они очень верно и благоговейно. Затем Сергий Радонежский говорит ко мне: “Обращайся ко мне со всем, что тебе нужно. Я всегда по Бозе помогу тебе.” И они вышли в двери келии. Я вспомнил, что забыл дать им по святой просфоре, но их уже не было. Не нагнал я их и за порогом келии.

Видение Небесной Обители

Еще при жизни старец Иона имел Божественные свидетельства о том, что все его труды и скорби не были напрасны, но имели замечательные духовные плоды. Одним из таких свидетельств стало видение Небесной Обители, датированное 1888 годом:

Благодатью Божиею и неисповедимою Его милостию, а также ходатайством, попечением и покровительством Всесвятыя Владычицы нашея Госпожи Богородицы и всех святых было мне грешному видение или откровение — не могу сего понять по своему скудоумию. В 1888 году под пятое число февраля по окончании всех дел по монастырю, помолившись Господу Богу, Божией Матери и всем святым, в одиннадцать часов вечера я лег спать и лежа занялся умною молитвою. Вдруг мне кажется, будто я оделся в свою обычную одежду: подрясник, то есть балахон и теплый серенький подрясник, в каком я обыкновенно хожу, надел на голову спальню и, взяв в руку палку, вышел из келии и пошел ночью по монастырю.

Обойдя кругом большой церкви, я пошел к воротам на горе и вижу, что сии ворота отверзты, но около них никого из сторожевой братии нет. Дойдя до самих ворот, смотрю за ворота на дорогу, по которой ездим мы и все другие, и вижу необыкновенное чудо: сразу же по ту сторону дороги дивный лес, роща очень красивого вида. Этот лес весь зеленый, все деревья и зелень очень свежие, везде растет свежая зеленая травочка. Я стою, смотрю на все это и говорю себе: “Господи, что все сие значит? Сколько лет я на сем месте живу, хожу, езжу, но ничего этого никогда не видел!” Стою я около святых ворот, удивляюсь всему этому, а потом и говорю себе: “Чья же сия чудная и очень красивая роща? Да и где же находится — около самих наших ворот!” Потом пошел я через дорогу дальше, дивясь сей чудной, никогда не виданной роще.

Дорога была зеленая, и по обе ее стороны росли деревья. Пройдя дальше, я увидел добротные ворота и крест святой наверху ворот. Я трижды перекрестился и поклонился. Остановившись, осмотрелся: по обе стороны росли свежие зеленые деревья. Я осмелился подойти ближе к воротам. Смотрю, по обе стороны проезда стоят два монаха. Я несколько осмелился, подошел ближе. Вижу, это два наших монаха: отец Серапион и отец Аркадий. Говорю им: “Зачем вверху над воротами образ Святой Живоначальной Троицы?” А они мне говорят: “Господь Бог поставил нас здесь сторожить врата дома Господня и стеречь обитель святую и здесь пребывающих и во веки живущих”. — “Какая же здесь обитель, каких святых, что это за место, где оно и какого оно монастыря?” Они мне отвечают: “Сия обитель есть Святая Святых, дом Господа Бога Вседержителя, Святыя Живоначальныя Троицы, Отца и Сына и Святого Духа. Здесь присно живет Сам Господь Бог. Тут же по отшествии от временных и земных живут все благоугодившие Ему. Они славно приемлются сюда Господом Богом и имеют здесь вечное пребывание.”

Опять говорю к ним: “Вы же как около чужого места и обители святых находитесь?” Они отвечают: “Место сие не чужое, а наше, ибо все это принадлежит Киево-Свято-

Троицкому общежительному монастырю. Все наши братья и сестры, потрудившиеся ради Господа Бога в Свято-Троицком общежительном монастыре, а также верно и с любовью ко Господу пожившие, по кончине временной жизни вводятся сюда.” — “А недавно скончавшиеся в нашей обители живописец Варфоломей и послушница Параскева, которая трудилась, проходила послушание в коровниках на скотном дворе нашего монастыря, — и они здесь?” Они оба отвечают мне: “Милосердием Божиим и благодатию Всесвятыя Госпожи Богородицы, молитвами всех святых все здесь пожившие, потрудившиеся любве ради ко Господу Богу и скончавшиеся — все здесь: и отец Иларион, и отец иеромонах Самуил, и первый монах Илларион — все здесь, и вас всех сюда ожидаем.”

Я им говорю: “Странное дело — сколько лет живу здесь, а сей таинственной рощи или, лучше сказать, дивного сада никогда не видел, да и не слышал даже о нем”. Опять говорю: “Позволяется ли кому-нибудь от Господа Бога вход внутрь святой обители?” — “Бывает, но очень редко и очень мало, потому что некоторые живущие в теле на земле умом своим прилепляются к земным, а потому им не приходит и мысли о посещении вечного, посему таковые сюда, в горняя, вечная и славная, не входят. Это является для них как бы не нужным — так они от временной земной жизни и отходят скучны и безотрадны.” — “Жаль,” — говорю я. И они мне говорят: “Жаль, но сие все зависит более от самого человека и от его невнимания”. Я говорю им: “Что же, я бы желал войти сюда, внутрь святой обители”. Они мне говорят: “Вам можно. Нам позволено Богом впустить вас внутрь, только теперь на малое время, потому что у вас есть еще дело в обители, вам надо еще потрудиться.”

После этих слов врата святой обители отворились. Я перекрестился и говорю себе: “Слава Тебе, Господи Иисусе Христе Боже мой, яко не лишил еси мя грешного милости Своея”.

Когда я вошел внутрь двора, то увидел там чудный свет. Внутри святой обители был чудный вид, великое и дивное пространство, чудная местность, чудная земля, чистая, как самый чистый кристалл стекла. Пройдя далее, я увидел, как по обе стороны стоят посаженные деревья: красивые, зеленые. Иные в цветах — расцветают, на иных завязываются плоды — и все по ряду и по линии. Далее стоят обители святых. Воздух там чудный и живой, тишина глубокая, нет ни пыли, ни дыхания ветра, но все живое, тишина великая. Потом вижу, посреди равнины стоит великое здание. А здесь отец Самуил иеромонах — несет в руках цветы. Подойдя ко мне, весело говорит: “Благословите меня, батюшка. Вот хорошо, что вы к нам пришли; хотя и ненадолго, но все равно хорошо.” Разговаривая со мною, он наклонился и на приготовленных грядках полянки начал сажать цветы. Цветы были чудные, каких я от роду не видел. Я говорю ему: “Ты торопишься сажать их теперь, а ты бы сажал их под вечер; за ночь они бы осиделись, на них сошла бы роса, полила их. Тогда к утру они бы освежились. А ты вот теперь их посадишь, польешь, а солнце взойдет, пригреет, и они могут привянуть — всего лучше сажать цветы под вечер, на ночь.”

А он мне говорит: “Батюшка, вот вы видите свет, но солнца у нас здесь никогда не бывает. Солнце у нас — это Сам возлюбленный нами Господь Бог Вседержитель, во Святей Троице славимый, Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой; Дух Святой Параклит, Дух росный, Который все орошает и оживляет.” — “Как же вы здесь живете?” — “Ах, батюшка, как вам сказать. Мы здесь все живем не под страхом и угрозой, а в любви и совершенной радости и отраде, о которых никакими устами сказать невозможно. Скажу только с ужасом, что мы здесь все пред Господом Богом, и никак не возможно высказать Его милости, благодати, снисхождения к человеческому роду и любви к нам. Он пребывает в нас и к нам недостойным. Его славе и величию нет конца. Однако Он так приблизил нас к Себе, что стал нам отцом, братом и другом. Он так близко, так близко, так близко к нам, что этого и выразить невозможно. От Него здесь царствуют простота, простодушие, простосердечие, откровенность и любовь. И все сие приводит всех нас к ужасу благоговения и чистой любви к Нему, яко Царю и Богу нашему. И что поражает нас — это Его высокая любовь к нам, так что не мы служим Ему, а Он нам.”

Затем я спросил, кто здесь находится из наших братьев. — “Все, которые жили в монастыре и скончались, здесь: вся братия, сестры-послушницы — всем и каждому от Господа Бога назначено особое служение и послушание.” Я говорю: “Отец Варфоломей-живописец здесь?” Он отвечает: “Ему тоже от Господа Бога назначено послушание, и он служит в нем”. — “А отец Иларион?” — “Да, слава Богу, он здесь. Милостию и ходатайством Всесвятыя Владычицы Госпожи Богородицы он введен сюда и принят. Теперь все мы заняты. Сам наш Владыка Господь Бог занят, и мы все тоже заняты приготовлением к великому дню празднества и торжества, который скоро настанет. Мне Господь Бог поручил сажать цветы.” Я ему говорю: “Ты бы дал один цветочек отцу Антонию — я ему передам”. А он говорит: “Отец Антоний пусть сам занимается этим делом и будет иметь свои цветы!” — и не дал. Я спросил отца Самуила: “Вы кого-то ожидаете сюда? Царя, князя, царицу, или какую княгиню, или кого из-за границы, или кого от высоких лиц?” — “Господь будет здесь, и в 1892 году Он совсем перейдет сюда на жительство; тогда совершится высокое торжество...”

Когда он мне это говорил, вдруг отворилась дверь самого славного, великого и дивного корпуса, стоявшего посреди двора, и из дверей вышел наш первый инок отец Илларион. Увидев меня с отцом Самуилом, он обрадовался и позвал меня. Отец Самуил говорит: “Идите туда, батюшка, он живет там и служит во Святая Святых”. И я пошел к нему. Здание стояло высоко, и нужно было восходить в гору. Я вошел внутрь и увидел большие комнаты, очень хорошо украшенные, чистые. В два ряда стояли столы. Все было прекрасно размещено, всякая вещь находилась на своем месте. Я спросил отца Иллариона: “Для чего же здесь так много столов, и для кого они? Разве вы ожидаете сюда великих гостей, царей, князей, или из Греции придут Патриархи, что вы так готовитесь и спешите?” А он весело улыбнулся и говорит: “Эта святая обитель устроена не для кого другого, а для вас и для братии Свято-Троицкого монастыря. Только братья нашей святой обители, подвижающиеся ради Господа, предавшие себя во всем Господеву ради любви к Нему и посвятившие себя и всю свою жизнь Богу, будут обитать здесь с Господом во веки вечные. Сам наш Всеблагий Господь и Владыка занят делом устройства этой обители. Он Сам занят делом больше нас всех, и мы все неустанно трудимся с Ним. И меня грешного Он поставил здесь и повелел как можно лучше все убрать, поставить и украсить. Господь первый пребывает с нами в трудах: учит, показывает, начинает и разъясняет. Я хотел было покрыть столы дорогими и прекрасными скатертями, но когда Господь Бог благоизволил прийти и увидел скатерти, повелел их убрать. Он Сам пошел в Свою святую сокровищницу и взял там вот эти скатерти. Принес их и велел покрыть ими столы — вы сейчас их видите на столах.”

Я говорю отцу Иллариону: “Наверное, Господь Бог хочет ввести сюда каких-нибудь дивных, добрых, Богоугодных мужей: царей, цариц, патриархов, митрополитов и архиереев, потому и проявляет особую заботливость и труды в устройстве и украшении палаты?” Отец Илларион улыбнулся и говорит: “Вот приближается 1892 год — тогда сами увидите, кого Владыка Господь будет принимать и введет на Свою вечерю...” — “А для чего вы теперь так суетитесь, ведь сейчас только 1888 год. До 1892 года еще очень далеко.” — “Нет, батюшка, не далеко. Это только вам так кажется, что и здесь так, как у вас на земле, во временной жизни. Здесь совсем все не так. Здесь тысяча лет, как один день, и один день, как тысяча лет. Здесь совсем не то, батюшка. Пойдем со мною, я вам кое-что покажу.” И он повел меня в палаты.

Я увидел светлые, великие и прекрасные палаты, и великий свет был разлит в них. Во всю палату висела завеса, и стояла великая тишина. — “Здесь Святая Святых и покой Господа Вседержителя. Повелением Всеблаженного Владыки нашего Бога мы непрестанно совершаем славословие, исповедание, благодарение и молитвы ко Господу Богу, непрестанно хвалим и благодарим Творца. Нужно бы вам много и много показать, возвестить и сказать, но теперь вам, батюшка, некогда — у вас там еще много дел. Поэтому задерживать вас здесь нельзя.” Я говорю: “Как же вам здесь живется? Сподобляетесь ли

видеть Господа Бога и какие дерзновения к Нему имеете?” — “Словами невозможно выразить, какое дерзновение имеем мы ко Господу и как Он милостив и благ к нам. Благость и милость Его к нам описать нельзя; никакой родной отец не бывает так добр к своим родным детям, как Отец Небесный к нам. Любовь Его к нам неизмерима и ни с чем не сравнима. Он есть истинно Бог человеколюбивый и Отец. Он есть любовь. Он Сам все делает и первый служит нам во всем. Он всегда с нами, и мы с Ним и в Нем. Здесь нет страха, но всюду и во всех одна любовь. Однако Господу Богу угодно, чтобы Вы переселились к нам в 1892 году. Тогда все приобщатся пира Господня, вкусят от трапезы Господней и возвеселятся неисповедимой радостью. Вам уже время идти туда, ибо у вас там есть еще дело.”

Выйдя на двор, я увидел отца Самуила. Подойдя к нему, говорю: “Вы все спешите, посмотрите — некоторые деревья, посаженные Богом, уже имеют зрелые плоды, иные имеют плоды незрелые, иные только цветут, на иных еще почки, иные уже распускают почки и готовятся к цветению, на иных нет плодов, но только листья, а иные лишь начинают оживать и распускаться”. И отец Самуил говорит: “Батюшка, все деревья, растущие здесь, — это братья, живущие у Вас в Свято-Троицкой обители... Господь Бог милостиво вселил нас сюда. Жаль, что некоторые деревья хотя уже и выросли, но потом от самих себя заболевают, увядают, страдают и усыхают. Идите за мною далее и посмотрите, на каком месте близ Господа Бога стоят некоторые деревья, и в них есть жизнь, цветы и плоды. А иные находятся далеко от Господа, и они безжизненны. Все в них омертвело — вот это дерево такого-то брата, это — такого-то, это — с плодами, приходящими уже в зрелость...”

Вам теперь здесь долго быть нельзя. Уже шесть часов утра, и к вам в дверь стучат и творят молитву. Я знаю, что все наши святые отцы и сестры желали бы видеть вас здесь, но у вас еще там много дела, и вам надо, по воле Божией, совершить его и послужить всем, имеющим в вас нужду. Мне нужно много передать вам для пользы живущих с вами братий, но Господь следит, что теперь мало времени... Прощайте, идите домой, а то к вам в дверь уже стучат.”

И действительно, когда я возвратился к себе, услышал сильный стук в дверь. Я пробыл в странствии с одиннадцати часов ночи до половины седьмого утра. И с тех пор, как смотрю на ворота и за ворота, всегда вспоминаю это видение и всех братий, виденных мною. Все, что было возможно поместить и написать для пользы братий, я поместил и написал, а что не нужно и бесполезно — оставил.

Пространство виденной мною обители было очень велико. По правой и по левой стороне там были построены большие здания, в которых обитают святые. Обитель Всесвятой Владычицы стояла отдельно от обителей святых. Она была очень красивой — красивее и больше всех. Она была ярко освещена каким-то особенным светом, который сиял, но не тяготил, освежал, оживотворял. Свет этот был не от солнца, а от славы неисповедимого Божества. Этот свет дух живит, сердце умиротворяет, ум озаряет, проясняет, невидимое видимым делает и непонятное проясняет. Там везде царствуют тишина, мир, любовь. Ветра там нет, бури нет, вихря нет, зноя палящего нет, мороза и холода нет. Воздух тонкий, животворный, легкий, чистый и светлый. Все там: дыхание, и тварь, и деревья, и цветы — хвалят, славословят, благодарят Господа Бога, во Святей Троице поклоняемого и славимого от всех. Аминь. Аминь. Аминь.

Последние дни старца и его блаженная кончина

В бытность митрополитом Киевским Иоанникия отношения старца Ионы и церковной власти складывались сложно. Когда он однажды решил построить новое здание для братских келий и большую колокольню, возник повод к еще большему их ухудшению.

Дело в том, что старец выслал чертежи колокольни и братского корпуса непосредственно на утверждение императору, не уведомив о своих планах митрополита. Тот же, узнав об этом от самого царя, сильно разгневался на отца Иону. Этому, как обычно

бывает, помогли некоторые недоброжелатели старца из окружения митрополита. Последний решил отстранить отца Иону от настоятельства в обители. Однако Святейший Синод не утвердил этого решения и продолжал признавать его игуменом обители. Не смотря на это, по распоряжению митрополита монастырем начал управлять его казначей иеромонах Мелхиседек.

Говорят, что на смертном одре митрополит Иоанникий раскаялся в соделанном: “Напрасно мы трогали отца Иону,” — говорил он. Также и старец говорил о митрополите: “Он хороший человек, только окружающие его сбивают”.

Все эти печальные события были для отца Ионы, который и без того имел слабое здоровье, жестоким ударом, ускорившим его смерть. В июле 1901 года он слег в постель. Пятнадцатого декабря над ним совершили Елеосвящение, и с того дня до самой своей смерти он ничего не ел, но только каждый день причащался и пил святую воду. Тем не менее почти до последнего часа своей жизни он принимал людей, как бы тяжело ему ни было. Находившиеся рядом с ним видели, как он страдает. Его последней болезнью была водянка, от которой у него сильно болела кожа на всем теле и никто не мог к нему прикоснуться. Один послушник, видя как он мучится, сказал:

— Батюшка, помолитесь Божией Матери, чтобы Она разделила болезнь вашу на всю братию.

— Нет не понесут, — кротко ответил старец, — буду я один терпеть.

Когда он еще мог разговаривать, сказал окружающим: “Телом я от вас отхожу, а духом с вами, а вы приготовьте адрес (то есть душу), чтобы был чистый, а я найду там хороших людей и попрошу их за вас, чтобы вам было хорошо”.

У него спросили разрешения отслужить о его выздоровлении всенощное бдение и литургию. На это он ответил: “Не надо беспокоить служащих и смущать людей — я все равно в среду отойду”. Во вторник была отслужена литургия со всенощным бдением накануне, а в ночь на среду старец Иона скончался.

В ту же ночь настоятелем Выдубицкого монастыря архимандритом Евлогием была отслужена первая панихида по почившем. Во все последующие дни: девятого, десятого и одиннадцатого января — непрестанно совершались заупокойные моления, а десятого числа гроб с телом старца был перенесен в главный храм обители. Чтобы попрощаться с отцом Ионой, в монастырь массами приходил народ из Киева и окрестностей.

Двенадцатого января епископом Сильвестром и множеством клириков, которых было приблизительно шестьдесят человек, было совершено отпевание старца. Храм и монастырский двор были запружены народом — всего на отпевании присутствовало около тридцати тысяч человек. После отпевания гроб с телом отца Ионы трижды был обнесен вокруг храма. Все присутствовавшие были поражены поведением голубей, которые при обнесении тела вокруг храма летали над гробом и жалобно ворковали. Бессловесная природа тоже участвовала в великой скорби о смерти отца Ионы.

Так завершилась земная жизнь великого старца, который просиял незадолго до того, как Россия погрузилась в хаос коммунистической диктатуры и безбожия.

Велика была любовь народа Божия к отцу Ионе, особенно в последний период его жизни. Множество паломников со всех концов страны приходили в Киев, чтобы получить от Богоносного старца благословение, утешение и духовный совет. Каждый год обитель Святой Троицы, которую люди прозвали “монастырь отца Ионы”, посещало свыше ста тысяч паломников. Самого старца почитали за святого.

Последующая история обители

Старец однажды предрек: “Я стану мучеником после смерти”. В 1934 году советская власть закрыла монастырь, а в 1966 году осуществилось пророчество отца Ионы. Его могила была вскрыта и родственникам, если таковые найдутся, предложено забрать останки. Пока

искали родственников, кто-то отделил от тела голову старца и правую ладонь, которой он благословлял людей. Двадцать первого октября 1966 года его святые мощи были перенесены на кладбище. Их положили в одну могилу с останками духовного чада отца Ионы епископа Виталия, который умер пятнадцатого сентября 1892 года.

Тринадцатого октября 1993 года святые мощи отца Ионы были обретены братией вновь открывшегося монастыря Святой Троицы и помещены в крипте главного храма обители.

В 1996 году общее чувство и опыт народа Божия, которые являются главным критерием в решении о причислении к лику святых, выразился в объявлении отца Ионы местночтимым святым.

Часть пятая

Рассказы о старце Ионе разных лиц

Из рассказов иеромонаха Израиля:

Однажды после общего благословения одна старая крестьянка добивалась попасть к отцу Ионе на совет и рассказывала, как ей трудно жить. В это время к ней сзади незаметно подошел отец Иона и, схватив за рукав, строго сказал ей: “Помнишь, как ты жила? Помнишь? Так теперь терпи да Бога благодари.” Она ответила: “Помню, батюшка”. Тогда монах-докладчик спросил ее: “Знаешь ли, кто с тобой говорил?” — “Знаю, это отец Иона.” — “А ты поняла, что он тебе сказал?” — “Поняла, все поняла, спаси Господи.” И ушла совершенно успокоенной.

Один купец из Харькова по фамилии Попов сильно страдал геморроем. По совету знакомых он обратился к отцу Ионе, чтобы узнать, как ему избавиться от этого мучительного недуга. Старец стал говорить ему: “Кровь не должна идти вниз — туда ей течь не следует. Она должна идти по своему направлению,” — и, водя пальцем кругом, он стал показывать, как должно совершаться правильное кровообращение. Эти движения руки старца были целительными для больного. Но, скрывая свою благодатную силу, старец посоветовал больному принять две ванны — одну из раствора полыни, а другую — из дерева (белоголовника). Больной сделал эти ванны и получил полное облегчение.

Многим бездетным старец предсказывал детей, читал над некоторыми молитву, а по большей части давал советы правильной супружеской жизни. Иногда заранее указывал число будущих детей и назначал им имена. Бывало так, что дети после благословения у отца Ионы рождались от родителей, бывших бездетными лет по двенадцать-пятнадцать. Один человек признавался, что отец Иона предсказал ему детей, назначил им заранее имена, а тот при рождении детей назвал их по-своему. Родилось у него трое сыновей, и все умерли. Он написал старцу слезное письмо, а старец отвечал, что с Богом шутить нельзя, так как его устами нарекала тогда имена Божья воля.

Незадолго до кончины старца у него был один приезжий из Петербурга, Г. К., служивший там в одном центральном ведомстве. Отец Иона предсказал ему: “Тебе через год Бог даст сына”. Крайне озадаченный этим, гость воскликнул: “Да как же это возможно, когда я 23 года как женат, и женат уже на третьей, и все браки были бездетны”. — “Это дело не твое и не мое, — отвечал старец, — а Божие”. Через год действительно у Г. К. по предсказанию старца родился сын.

Часто к отцу Ионе обращались женщины, у которых вследствие болезней приостанавливалось деторождение. Старец всегда спрашивал, делала ли женщина операцию (аборт), и если да, то уклонялся от советов. Если же операции не было, он давал совет, во-первых, известной супружеской воздержанности, а затем лечение ваннами из разных трав.

Старец Иона имел большое попечение о евреях, переходивших в Православие. Его заботила мысль, что эти люди окружены враждою своих ближних, которые от них отрекаются, и не находят поддержки у православных. Старец говорил даже с городским головою, что надо создать какое-нибудь учреждение, где бы новокрещенные находили себе занятие и средства к жизни. Старец приискивал для них состоятельных и отзывчивых восприимчивых. Одного молодого еврея он устроил у своих знакомых на фабрике в Москве. Один из таких знакомых евреев, Владимир, занимался подрядами по выемке земли при постройке домов. Раз ему не повезло — лошади пали. Он решил поступить на городскую железную дорогу контролером. На это требовалось пятьдесят рублей залога. Жена его пошла просить у старца. Старец вместо пятидесяти рублей дал им сто. Вместо того чтобы поступить на трамвай, он опять занялся прежними подрядами, и дело у него пошло хорошо.

Старец очень редко благословлял ехать в Иерусалим — конечно, из-за соблазнов, встречаемых там от смешения полов. Бывало, посмотрит вверх, подымет палец: “В Горний Иерусалим Бог благословит, а туда не благословляю”.

Раз вошли к старцу три барыни и с ними одна монашенка. Барынь старец благословил крестом, а монашенку ударил по лицу и сказал: “А ты беса оставь, живи с Богом”. Она, по-видимому, нисколько не смутилась и спокойно улыбалась. Все они вышли, и она на эти слова спокойно сказала: “Правда, что я бесу служила, верно старец сказал”.

Один уроженец Петербурга отбывал воинскую повинность в городе Киеве и часто ходил к старцу Ионе. Он давно таил в себе желание поступить в монастырь. Окончив службу старшим унтер-офицером, он поехал в Петербург и там решил удалиться на Афон. По дороге в Одессу он заехал в Киев и зашел к старцу за благословением: “Еду на Афон, благословите”. — “Помолиться?” — “Нет, совсем в монахи.” — “Нет, нет тебе, Феодор, Божьего благословения в монахи — ни на Афон, ни в России. Поезжай домой и женись, живи честно, трезво, и спасешься.” Эти слова разрушили давнюю мечту, показались молодому человеку очень тяжелыми. — “Я никогда не думал жениться, — сказал он старцу, — с юных лет думал о монастыре.” — “Нет тебе пути в монастырь.” Два часа спорили они, и старец наконец сказал: “Вам не видать, а нам благодатию Божиею видать. Вот что было бы с тобою в монастыре: лет на пять хватило бы твоей ревности, а потом все монастырское тебе опротивело бы, ты бы вышел из монастыря. Куда тогда идти? К родным идти стыдно, от работы отвык. Тогда что делать? Воровать, пьянствовать и прочее... Нет, поезжай, женись и живи благочестиво.” Он сдался не сразу и все-таки поехал в Одессу. Однако, проехав несколько станций, вернулся в Петербург, поборол свою мечту о монашестве, боясь того, о чем предсказал старец. Теперь он давно женат и очень благочестиво настроен. Ведет торговлю и, если услышит от кого-нибудь из покупателей, что болен, дает от святынь маслица, советует, как употреблять, и больные получают пользу. Так он служит Богу иным путем, чем думал.

Старец Иона при благословении давал богомольцам листики, всегда соответствовавшие их обстоятельствам. Если иногда и казалось, что листики не подходят к положению этих людей в то время, последующие события оправдывали прозорливость старца. Надо иметь в виду, что отец Иона на общем благословении ни с кем не говорил и обычным путем не мог ничего знать о людях, которых видел впервые. Как-то кучка богомольцев из Каневского

уезда Киевской губернии, села Паток, обсуждала в Лавре между собою вопрос, что надо пойти к отцу Ионе на благословение и получить от него листики. Бывшие в этой компании два парня говорят: “На что нам его листики — прочтем их и бросим. А вот если бы он дал нам по рублю — это дело другое”. Все они отправились в Троицкий монастырь и явились к старцу. Были у него и те два парня. Всем прочим отец Иона по обычаю своему дал по листику и по просфорке, а тем двум парням, ничего не говоря, подал по рублю.

Однажды к старцу пришло двое супругов из образованных. Они рассказали ему свое горе — у них не было детей. Отвечая им, старец стал говорить про неправильность в их прежней жизни и про то, как враг искушает людей. “Батюшка, — прервали они, — мы не верим, чтобы существовала нечистая сила”. Старец настаивал, что нечистая сила имеет личное существование. Они же продолжали это отрицать. Тогда старец, стоя перед иконой, стал молиться, и вдруг те, сидевшие дотоле на стуле, кинулись к батюшке, стараясь укрыться за ним. Возле дверей они ясно увидели врага и стали просить у батюшки защиты. Батюшка помолился, и видение исчезло. Тогда старец спросил: “Ну что, есть он?”

Один богомолец рассказал следующую историю. Однажды они с кумом зашли в трактир. Дело было около полуночи, а кум был колдун и водился с нечистою силою. Зашел разговор о нечистой силе. “Не верю, что они есть”, — говорил один. — “Они существуют и исполняют для меня то, что я прошу”, — говорил другой. — “А если желаешь видеть, я тебе укажу их — только купи пол-литра.” Они хорошенько выпили и пошли в полночь на погост. Пройдя через кладбище, кум свистнул три раза, а перед этим наказал куму: “Когда что увидишь, не крестись, потому что будет тебе горе”. После третьего свистка, несмотря на тихую погоду, поднялся вихрь, и вокруг них стала кучка нечистых духов. “Что ты нас зовешь?” — спросили они. — “А вот кум желает вас видеть”. Они стали смотреть друг на друга — человек на духов, а духи на человека. Потом бесы скрылись в поднявшемся вихре. Возвратясь в село, приятели выпили еще и пошли спать по своим хатам. И тот остался доволен, что видел никогда им не виданное, и рассказал про это некоторым товарищам. “Нехорошо это, — сказали они ему, — пошел бы ты спросить у отца Ионы, не будет ли в этом на тебе большого греха.”

Он пошел на богомолье в Киев, рассказал все отцу Ионе и спросил, не грешно ли то, что он при появлении злых духов не крестился. — “Надо тебе принять наказание: в этой жизни или будущей — как хочешь? В полдень те самые духи будут ежедневно бить тебя в течение трех лет по сто ударов. И будут исполнять свое дело, хотя бы вокруг были люди”. Он заплакал и сказал: “Лучше уж принять наказание в этом веке”. Когда он вернулся домой, к нему пришли соседи, друзья послушать и получить принесенные им подарочки. Как настал полдень, явились те духи, принесли с собой кузнечный мех с огнем, раскалили на них проволоочные прутья и, повалив его среди комнаты, били его. И никто не мог ему помочь, несмотря на все его крики; он лежал как каменная плита. Так продолжалось три года. В последний день на улице ему явился старик, похожий на преподобного Пахомия Великого, и сказал ему: “Иди со мною, тебя зовет Царица”. Они пришли. Большой дом, ворота... Царица сказала ему несколько таинственных слов. Когда он вышел оттуда, старец привел его к телеге, ждавшей на улице. И когда он хотел спросить старика, кто он, тот стал невидим. Больше этого дома, где они были, на том месте он не видел. Он был у отца Ионы, и тот сказал: “Теперь ты свободен; хорошо, что пришел”.

Купец Иван Петрович Сазонов из Луганска сильно запивал. Жена уговорила его поехать к отцу Ионе. Отец Иона сказал ему: “Замени водку чаем. Как потянет на водку, так сей час пей чай”. И до смерти он никогда не брал в рот ничего хмельного — все это после заповеди старца представлялось ему отвратительным.

Заходили к отцу Ионе и припадочные, которые в Евангелии называются бесноватыми. Отец Иона вообще не позволял им говорить. Во время чтения закликательных молитв, если дух начинал говорить, он запрещал ему именем Христовым. Бывало, что до прихода к старцу такие больные не чувствовали своей болезни, и только по приходе к отцу Ионе эта болезнь обнаруживалась.

Приблизительно в 1885 году к отцу Ионе родные привезли больного киевского гимназиста — мальчика лет пятнадцати-шестнадцати. Когда батюшка увидел его, сказал: “Поздно привезли”. В тот же день, часов в десять вечера, он скончался в монастырской гостинице. Хоронили его на следующий день часа в три. Отец Иона сказал: “Я сам буду хоронить”. Когда его несли из церкви к могиле, то по распоряжению отца Ионы на расстоянии пятидесяти саженой было отслужено пять литий. По большой лестнице спустились вниз к трапезе. Батюшка остановился перед дверями трапезы на повороте, облокотился на палку и плакал около часа, никому ничего не говоря. И все погребальное шествие остановилось. Крупные слезы обильно скатывались с лица его на землю. Одна из послушниц в это время видела стаю воронов, и между воронами старались проложить себе дорогу белые голуби, разбивая эту стаю. Из этой толпы вылетел крылатый мальчик, подлетел к батюшке, неся на руках младенца, шепнул ему что-то на ухо, батюшка тогда ободрился, повеселел, двинулся далее, и шествие за ним направилось к могиле. Перед опусканием в землю и наложением крышки было сделано возлияние елея на труп пятью крестами.

Вскоре после того как старец был возведен в сан архимандрита, мантийный монах Макарий, старик уже лет семидесяти, во время всенощной стоял у иконы Троеручицы и смотрел на то, что совершалось посреди храма, где стояли служащие и певчие, выйдя на “Хвалите”. Когда пришло время чтения Евангелия и с батюшки сняли митру, он увидел, что лицо у отца Ионы стало, как у малого ребенка, и такое светлое, что нельзя было продолжать на него смотреть. Когда же, по прочтении Евангелия, надели митру, лицо стало обыкновенным. Наступило время прикладываться к иконе и мироваться. Тут одна странница, стоявшая сзади служащих, видела, что из алтаря в епитрахили и с поручами на руках вышла женщина. На ней было зеленое платье и голубой платок на голове, доходивший до ног. Женщина приложилась к иконе, помирилась Сама по-священнически и вошла в алтарь царскими дверями. Она даже возмутилась, как это монахи пустили женщину в алтарь. Она рассказала, что видела, монастырским старцам, и только тогда поняла, Кто была эта Женщина.

Из рассказов отца Виктора, келейника старца Ионы:

Некто послушник Харитон собрал у набожных людей тысячу рублей денег и поехал на старый Афон проситься в русский Пантелеимонов монастырь. Его приняли, и Харитон в качестве вклада внес свою тысячу. Архимандрит Макарий предложил ему испытать пустынную жизнь, но Харитон не выдержал ее тягостей и простился с Афоном. Ему вернули его тысячу, и отец Макарий сказал ему: “В России поезжай в Киев. Там в Троицком монастыре настоятель отец Иона, только к нему и поступай. А в виде знамения — он встретит тебя у врат своей обители и назовет по имени”. Так и случилось. Отец Иона принял Харитона и назначил ему послушание у ворот. Харитон был доволен своею жизнью и однажды заговорил с монахом Кассианом о своей горячей любви к старцу: “Когда отец Иона проходит по монастырю, я бы рад его на руки поднять и носить”.

Как-то отец Иона, проходя по монастырю, заметил у ворот беспорядок. Он подозвал к себе Харитона, сделал ему строгое внушение и ударил по шее. Харитон был этим чрезвычайно озадачен. Куда девалась его любовь к старцу! Он решил, что больше не останется в обители, и поделился своим решением с Кассианом. “Скорее бы смерти своей

поверил, чем тому, чтобы такой старец, святой человек, мог так оскорбить меня.” — “Чудак, — ответил ему Кассиан, — разве он тебя бил? Он согнал с твоей шеи того, кого ты возил на себе всю свою жизнь, возил и на Афоне.” — “Может, и правда,” — ответил Харитон. Харитон успокоился, остался в монастыре, вскоре заболел и в больнице пред смертью был пострижен в мантию.

Кассиан рассказывал, что было с ним в бытность его экономом на монастырской Васильчиковой даче. Всякую субботу еженедельно приезжал он с дачи в монастырь за двенадцать верст. Раз приехал он с сильною зубною болью, долго ею мучился и в лекарствах не находил облегчения. Забрав провизию, он зашел за благословением к отцу Ионе. Батюшка спросил его, всю ли провизию он получил. — “Всю, да только келарь грибов не дает.” Батюшка ходил по келии и, смотря вниз, недовольно бормотал про себя: “Да, да, лето прошло, а вы не могли себе грибов набрать, хотя и живете в лесу. Нехорошо, нехорошо”. Тут он, внезапно остановившись против Кассиана, ударил его по щеке. При больных зубах боль от этого удара получилась страшная, и Кассиан выбежал в коридор. Но когда он опомнился, боли в зубах уже совсем не было. Он был совершенно здоров, и зубы у него до смерти не болели.

Ездил к старцу некий Константин Георгиевич Абаджи из города Аккермана — человек богатый, страдавший запоем. Старец ласково принимал его. Приказывал в гостинице, как только его потянет на вино, нести ему самовар и сам поил его чаем. Некоторые из старшей братии оскорблялись, что старец так его принимает и настолько к нему внимателен. Старец сказал: “Разве он мне нужен? Душа его мне нужна. Если бы он сюда не ездил, давно бы в могиле сгнил.” Абаджи умер спокойно в покаянии.

Жила в Киеве мещанка Мария Котикова. Лет сорок она была в полном расслаблении. Плачущую ее привезли к отцу Ионе. Старец посмотрел на нее и сказал: “Не плачь, раба Божия”. Дал ей бутылку святой воды и просфоры и велел принимать то и другое в течение сорока дней, причем заповедал ей всю ее жизнь не принимать никаких спиртных напитков. “Как в первый раз приняла я воду, — рассказывает она, — так будто что-то с меня и упало.” Мария Котикова до сих пор совершенно здорова.

Года за три до кончины старца один из его келейников, Захария, утром четвертого декабря, в день великомученицы Варвары, стал просить у старца отпустить его к обедне в Михайловский монастырь. Там в этот день вокруг собора обносили мощи великомученицы Варвары. Старец сказал: “Зачем? Теперь там много людей.” Он опять повторил просьбу: “Благословите”. — “Как хочешь,” — сказал старец и махнул рукой. Он поехал вместе с будущим настоятелем отцом Мелхиседеком, и тот взял его с собою в алтарь, но Захария вышел на середину храма и стал у раки мощей. Тут образовалась страшная толпа. Его сдавили так, что у него изо рта и носа хлынула кровь. Он вернулся в монастырь больным. С того дня он заболел, лег в больницу и вскоре умер, постриженный с именем Зинон.

В монастыре совершалось бдение под праздник Входа Господня в Иерусалим. Служил отец Иона и с ним все иеромонахи, иеродиакон и певчие. Во время чтения кафизм прибежал келейник иеромонаха Пимена, который умирал у себя в келии. Больной просил скорее прийти к нему с напутствием, так как чувствовал себя при последнем издыхании. “Передай ему, что мы все здесь предстоим пред Господом, совершая Ему славословие, пусть он за послушание подождет умирать. А по окончании бдения мы к нему придем и напутствуем его.” По окончании службы отец Иона со старшею братию тотчас отправились к отцу Пимену, совершили над ним Таинство Елеосвящения, исповедовали и приобщили, постригли его в схиму. И к утру Пимен, в схиме Антоний, мирно преставился.

Из рассказов иеромонаха Тарасия:

Отец Иона не допускал, чтобы в монастыре сажали какие-нибудь деревья, кроме плодовых. Деревья, не приносящие плодов, он вырубал собственноручно. Я жил в Тальянках “гуменным” — укладывал снопы хлеба в скирды, и батюшка Иона поручал мне обо всем писать ему, даже давал мне для этого конверты, бумагу и марки, но я не осмеливался это делать, хотя там начальники поступали по-своему, а не по старцеву приказу. Когда же мне от этого становилось слишком тяжело, я уходил в дальний уголок, плакал и взывал в уме к батюшке: “Посмотрел бы ты, что твои дети здесь делают”. И говорю я это, будто стою наяву пред самым старцем. И что же? На следующий день батюшка совершенно неожиданно появляется у нас. В то самое время, когда я призывал его в Тальянках, в 300 верстах от Киева, он вдруг говорит келейникам: “Скорей, скорей лошадь мне, я в Тальянки еду!” И поехал, когда об этом в тот день и речи не было. Так было с ним трижды.

Пришел как-то к старцу крестьянин и поведал следующее. У него был единственный сын, и пока этот сын был холост, он не мог на него нахвалиться: трезвый, трудолюбивый, почтительный и послушный. Потом же, когда женился, сделался пьяницей, да таким, что от него домашним житья не стало. Часто к старику приходили односельчане и говорили: “Пошлите вашего сына подобрать, на улице пьяный валяется”. Когда же он отрезвится, то начинает в доме буянить; домашние бегут вон — он их выгоняет. Оставшись один, он начинает все в доме крушить, бить посуду, рвать на себе рубаху и бегать по избе нагим. Раз из люльки выхватил своего же ребенка и за руку выбросил его в разбитое окно. Старик его и учил, и крестьянскому сходу жаловался, но тот не унимался, продолжал пьянствовать, буянить и колотить жену, отца и мать.

Добрые люди посоветовали старику обратиться к отцу Ионе за советом. У старца после общего благословения всегда оставалось человек десять-пятнадцать на совет-беседу, проходившую наедине, с глазу на глаз. Тут старик и рассказал о своем сыне. Ответ старца был крайне резок: “Так тебе и надо, старая собака, так тебе и надо.” Старик залился слезами: “За что ж это? Другие люди радуются на детей, а я только горюю, да еще старец говорит, что так и надо.” — “Так тебе и надо”, — повторил старец. — “Да почему же?” — “А ты вспомни, когда ты его зачал, вспомни,” — и старец стал прохаживаться по келье, все повторяя: “Вспомни, вспомни”. И три раза спрашивал: “Вспомнил ли? Подумай хорошенько.” Но тот повторял, что не помнит. “Так я тебе скажу, — отвечал старец. — Люди шли в церковь пасхи святить, а ты с женой тогда сошелся. Не было вам другого времени? Вот за это теперь и казнишься.” Старик упал на колени: “Правда, батюшка.” — “То-то, то-то, старая собака.” — “Что ж теперь делать, батюшка, как быть?” — “А ты приобщался?” — “Приобщался в Лавре.” — “Так теперь чтоб ни ты, ни жена твоя, ни сын твой не приобщались в течение трех лет. Говеть и исповедоваться надо, а к тайнам не приступать, и тогда, соблюдая это, приходите ко мне.” Старец назначил всем троим одинаковую епитимью и по выполнении ее обещал через три года приобщить их у себя в монастыре.

Из рассказа монаха Ермогена:

Одно время отец Ермоген жил за воротами, в одной келии с другим монахом, отцом Адрианом. Раньше отец Адриан жил на монастырском хуторе — сторожил там лес и был не раз избит. По болезни его перевели в монастырь и поселили с отцом Ермогеном. Раз поутру отец Ермоген поднялся, пока больной еще спал, прочел утренние молитвы, потом принялся за Псалтирь, и тут нашло на него сокрушение о своих грехах. Заплакал он горько над жизнью своею. В это время проснулся отец Адриан и говорит ему: “Слушай, отец Ермоген, как молится за нас и жалеет нас Царица Небесная, просит прощения за дела наши. Видел я

сейчас, что ты стоишь на молитве и весь черный-пречерный, а наверху Спаситель и Матерь Божия. И Матерь Божия говорит Спасителю: “Сыне Божий, прости Ты его, слабенький он во всем и душою, и телом. Прости его.” Раз а три говорила Она: “Прости его”. Тут сверкнула молния, и ты стал чистый — весь белый. Вот как Царица Небесная нас жалеет и о нас просит. То черный был, а теперь стал светлый. Ты это на всю жизнь запомни.” Через месяц отец Адриан умер.

Из рассказа иеромонаха Варлаама:

Седьмого января 1902 года, за два дня до кончины старца, монах Варлаам, несший послушание в монастырском имении Тальянках, вместе с товарищем по послушанию отправился туда. Старец дал ему в благословение три просфоры, тогда как раньше давал не больше одной. Отец Варлаам потом употреблял эти просфоры при болезнях малыми крохами и по вере своей получал облегчение. Девятого января отец Варлаам привез из имения на станцию Тальное хлеб для отправки в Киев, в монастырь. Тут подошел к нему начальник почтовой конторы и, передавая ему телеграмму, спросил: “Знаете ли, отец Варлаам, что ваш настоятель скончался, вот телеграмма”. В первую минуту отец Варлаам принял эту вестъ спокойно, но когда он вернулся в имение и по старце стали служить панихиду, он начал рыдать навзрыд и все последующие дни был в безысходной скорби и от утраты такого старца, и от того, что не будет при его погребении. Часть ночи с субботы на воскресенье отец Варлаам с прочей братией провел в молитве в течение трех часов, а потом лег спать. И тут с необыкновенной ясностью ему представился отец Иона. Отец Варлаам видел себя в усадебном доме. Отец Иона живой вышел к нему и сказал: “Я не умер, но жив. Хотя я и отошел от вас телом, но духом я с вами.” Старец вышел в палисадник и благословил отца Варлаама. Целуя его руку, отец Варлаам ощутил в этой руке необыкновенную жизненность и мягкость. Тут собралась вся братия, жившая в усадьбе, и стала плакать, говоря: “Батюшка, Вы умерли?” А он в ответ произнес те же слова. Отца Варлаама он поставил по правую сторону от себя и начал говорить братии: “Живите все в мире, согласии, целомудрии, любви, с усердием проходите послушание, не оставляйте назначенного правила и все будете в Царствии Небесном”. Потом старец пригласил отца Варлаама с двумя монахами поплыть на лодке на монастырскую мельницу. Проезжая пруд, отец Варлаам, правя лодкой, по неосторожности брызнул веслом старцу на его больную ногу, и старец просил грести осторожнее.

Тут сон прекратился. Отец Варлаам проснулся с такою радостью, какой не переживал за всю свою жизнь и какой не испытывал и тогда, когда старец был живым и ему приходилось долго беседовать с ним.

Из рассказов иеромонаха Аверкия:

Когда расширяли наш большой храм (это было в 1897 году), внутри него шла работа, а по другую сторону — служба. Я в это время нес послушание пономаря. Был полиелей перед днем иконы Божией Матери “Всех скорбящих радость” (на среду). Прошло несколько дней, и под первое воскресенье за всенощной отец Иона спрашивает меня в своей алтарной келье: “Не заметил ли ты, — когда на прошлую среду был полиелей на “Всех скорбящих”, стояла ли особого вида Монахиня?” — “Не знаю, батюшка, много монахинь было.” — “Нет, нет, была Монахиня, ты должен был Ее заметить, Она была высокого роста.” Тогда мне вспомнилось, что действительно, между колонн посреди церкви, неподалеку от Троеручицы стояла высокая Монахиня, и я сказал об этом старцу. “Да, да, да! — радостно воскликнул он. — Это Царица Небесная посетила нашу обитель.” И он сейчас же заплакал, а потом прибавил: “Владычица посещает нашу обитель в среду и субботу”. Затем старец рассказал мне о другом посещении Богоматери: “Когда наша обитель только строилась, я жил внизу у

малой церкви. Однажды рано я шел к святым воротам, которые тогда находились тоже внизу. Навстречу мне шла Царица Небесная. Я упал, поклонился Ей в ноги, и Она спросила меня: “Как, старче, дела твои?” — “За Твои святые молитвы все идет хорошо.” Мы пошли тогда к больничному помещению. Там жило два послушника, принятые мною в число братий. Владычица сказала: “Вышли их — они здесь бесполезны”.

Из рассказов иеросхимонаха Димитрия:

Однажды из местности, откуда был родом рассказчик, в Киев собрались несколько паломников и зазвали его с собой. Киев и Лавра не произвели на него глубокого впечатления. О монашестве он тогда и не думал. Придя в Троицкий монастырь (дело было до отдания Пасхи), он был поражен пением Пасхального канона и всем, что видел здесь. Он сказал своему знакомому земляку, монастырскому благочинному, что желает остаться тут навсегда. Тот отговаривал его, ссылаясь на суровую жизнь, непривычную для него: “Здесь живут мужики, привыкшие к черному труду”. Но он стоял на своем. Благочинный оставил его, назначил ему начальное послушание — записывать просфоры. Спустя некоторое время он в первый раз пошел на богослужение к отцу Ионе и стал просить его благословения навсегда остаться в обители. Отец Иона сказал ему: “У тебя дома неурядицы, поезжай туда, все устрой, и тогда можешь вернуться”. С этими радостными мыслями он отправился в путь. Дома все оказалось так, как предсказал отец Иона. Невестка нехорошо обращалась с матерью. Он постарался все утихомирить, обязал брата покоить мать до смерти, причем для этого отказался от своей части наследства, а затем с миром вернулся в Киев.

По сообщению благодетельницы Ирины, они с мужем были бездетны. Поэтому просили у отца Ионы еще молодыми поступить в монастырь. “Вам надо вскормить семью,” — отвечал старец. “Какая может быть семья, — подумали они. — Пять лет мы женаты, а детей нет.” Но по совету старца продолжали жить в миру. Тут у брата мужа умерла жена, оставив двух маленьких дочерей, и сам брат тоже вскоре заболел и умер. Девочки остались в бедности. Пришлось принять сирот, воспитать их и выдать замуж. В тот год, когда они собирались распрощаться с миром, должна была прекратиться аренда земли в количестве пятидесяти десятин, которую они держали, а товарищ, с которым они раньше арендовали землю сообща, держал в то время сто десятин. На слова, что он хочет кончить аренду, старец сказал будущему монаху: “Нет, не бросай пока на этот год землю, еще ее придержи,” — и из той пшеницы, которую благословляют на всенощном бдении после литии, старец дал хозяину пригоршню, говоря: “Вот, посеешь”. И со своих пятидесяти десятин в то лето он снял вдвое больше против того, что снял со ста десятин его товарищ. Выручив за деньги урожай, они вместе с женой оставили мир.

Пришел в монастырь пьяница по имени Данила, хотевший покуситься на свою жизнь. Старец поручил мне хранить этого человека. Я взял его в мастерскую, положил ему четыре рубля в месяц. Через две недели он запьянствовал, пришел в мастерскую, стал ругаться самыми непристойными словами. Я пошел искать старца, чтоб просить уволить его. Старец в это время (было утро) зашел в малую церковь и занимался умною молитвою. Я прождал полчаса. Наконец подошел к нему и говорю: “Благословите меня, батюшка,” — и рассказал ему, в чем было дело. А он говорит: “Видишь ли, за него, за его душу Господь пострадал на Кресте, а диавол запутал его. Мы, монахи, должны быть мудрыми и не допускать сатане ругаться над ним. Примите к сведению, что я рано или поздно должен отойти, а вы должны с меня брать пример. За таких людей душа моя болит. Если отпустить его в мир, враг его окончательно сгубит. Я держу их по месяцу, по два, по полгода и по году, молюсь за них. Бывает, Господь слушает меня, и они помощью Божией исправляются. Иди же к отцу Евгению (благочинному), возьми полтора фунта сахара и четверть фунта чаю и дай ему.

Скажи, что я прислал ему гостинца и что старец Иона просит, чтоб ты бросил эти глупости, а иначе диавол тебя стугбит.” Благодичный даже расстроился и сказал: “На свою братию не хватает, а мы еще будем пьяниц кормить”. Я на это ответил: “Давайте мне — старец сказал”. Я пошел к Даниилу с чаем и сахаром и сказал: “Я был у старца, чтоб тебя выгнать, а старец вместо того чтобы прогнать, прислал тебе гостинца и просил тебя бросить все свои глупости, а иначе диавол погубит тебя”. И что же? Он залился слезами и воскликнул: “Кто же я такой, что старец мне гостинца прислал?” И две недели он плакал о своих плохих делах. Исправился и вышел из монастыря, привыкнув к трезвости.

В 1902 году послушница Ксения жила в монастырском имении Тальянки. По истечении трех месяцев после смерти отца Ионы она сильно заболела зубами, так что не могла ни сидеть, ни лежать, а скорбела и плакала. Во время краткого сидячего сна она видит, что входит в помещение отец Иона с палкой в руках и спрашивает: “Чего ты плачешь?” — “Оттого я плачу, что у меня зубы болят.” — “Ну ничего!” Больная обращается к старцу и говорит: “Батюшка, благословите меня”. Отец Иона благословил ее, и когда она целовала его руку, то он крепко ударил по больному месту так, что больная проснулась. И отца Ионы не стало, и зубы перестали болеть. И вот уже прошло более восьми лет, а зубы ни разу не болели.

Послушница Иустиния Бондарцева при жизни старца была послана в Гусинское монастырское имение собирать по послушанию грибы в большом лесу. Под вечер она заблудилась, никак не могла найти дороги и, видя надвигающуюся темноту, решила заночевать в лесу. Улегшись под деревом, Иустиния уснула. Во время сна она слышит, как ее кто-то зовет: “Вставай”, — и толкает палочкой. Пред ней стоит отец Иона в сером подряснике — постоял и исчез. И ей стало радостно и надежно на сердце. Она как-то почуяла, куда ей нужно идти — словно кто-то ее направлял в темноте. Она быстро выбралась к хате, а там уже были зажжены огни.

Как-то после утрени в Пасхальный день отец Иона зашел в келию с одним монахом, и они разговорились о Пасхальной службе, какая она торжественная. Монах и сказал, что теперь в Иерусалиме очень большое торжество: там получают благодатный огонь от гроба Господня. Монах рассказал об Иоанне Новгородском, что тот когда-то ездил в Иерусалим на враге. Отец Иона ответил, что Иоанн Новгородский был святой жизни, а мы люди грешные, но благодать Господня одна — что тогда, то и теперь. В этот момент заходит в келию студент и спрашивает, кто был этот человек святой жизни. Во время своего ответа студенту отец Иона перекрестил студента (а это был бес в образе студента), студент выскочил из келии вихрем и стал под окном брничкою с конем. Отец Иона, увидев это, сказал монаху, что извозчик есть, поехали. И так, в мантиях и клобуках, они вышли, уселись на эту подводку и быстро поехали. Приехали в Иерусалим. Здесь было начало службы. Они вошли в церковь и стали в притворе слушать службу. В это время кадил протодиакон. Он увидел этих двух монахов и по внешнему виду определил, что они из России. Протодиакон сказал Патриарху, что в притворе стоят два русских монаха, и когда закончилась служба, Патриарх дал им по просфоре. Отец Иона и другой монах после окончания службы быстро сели на того же извозчика и возвратились в свой монастырь. Когда они возвратились, то служба здесь уже кончалась, и отец Иона поднес просфоры отцу настоятелю и рассказал, что эти просфоры из Иерусалима, что они ездили в Иерусалим и там слушали службу и что Патриарх дал им по просфоре на благословение. Настоятель сделал ему выговор за то, что он ездил в Иерусалим без благословения и назначил ему за это класть поклоны в трапезе всю Пасхальную седмицу. Отец Иона клал их и радовался, что настоятель дал такое наказание.

Из рассказов иеромонаха Илиодора:

Отец Иона скрывал свою прозорливость, и она обнаруживалась случайно через тех людей, у которых удивительно оправдывалась мудрость старцевых советов. Приехали однажды к старцу три купца из Москвы и стали просить у него благословения купить соседний дом стоимостью в тридцать или сорок тысяч. Старец принял их, выслушал и решительно сказал: “Я не благословляю вас покупать этот дом”. Они три раза приступали к старцу с этим делом, и три раза он не давал им благословения. Они у многих испрашивали разъяснения, что за причина, по которой старец не благословляет их на эту покупку, когда им это дело очень удобно и дешево, да и дом с ними по соседству. Все им отвечали: “Что старец говорит, тому и повинуйтесь”. Купцы из-за этого задержались в монастыре с неделю, а в это время покупка должна была быть уже совершена. Поехали они домой в большом прискорбии. Приехав в Москву, подъезжают они к своему дому, смотрят — соседний дом, который они хотели купить, уже сгорел. В тот же день они написали отцу Ионе письмо с теплой благодарностью, что он удержал их от разорительной покупки.

Одна женщина приехала к старцу из Петербурга. После смерти мужа она осталась с ребенком одна. Из-за ребенка она не могла найти должности — все стеснялись брать ее в услужение, и она приехала к старцу за советом. Старец выслушал ее и спросил: “Ты знаешь, там есть один колодезь?” — “Знаю.” — “Ну так ходи к этому колодезю.” Такой, по-видимому, странный совет дал этой вдове отец Иона, и она вернулась в Петербург. Люди, с которыми она делилась своими сомнениями, говорили ей: “Как старец тебе советует, так и делай, а о прочем не заботься”. И она начала ходить к тому колодезю. Пришла как-то к колодезю другая женщина, и вдова познакомилась с нею. Та пригласила ее к себе в дом. С этого времени между ними началось близкое знакомство. Вдруг эта женщина заболела. Вдова начала за нею усердно ухаживать. Поболела та с неделю и умерла. Муж покойницы, видя, что эта вдова женщина хорошего характера, трудолюбивая и сердобольная, женился на ней. Вот почему старец Иона посылал ее в Киеве к петербургскому колодезю.

Приехал однажды в монастырь с Дальнего Востока матрос, больной беснованием. Старцу стало его очень жалко, и решил он помолиться за него. Для молитвы он затворился у себя в келии на два часа, а на больного в это время приказал надеть смиренную рубашку, потому что у него были ужасные припадки, и во время старцевой молитвы он претерпевал от злой силы страшное страдание. Когда же по окончании молитвы старец вышел, бес был изгнан. Отец Иона велел исцеленному в прочее время жизни быть чрезвычайно осторожным. Затем дал ему благословение и отпустил с миром.

Из рассказов иеромонаха Мелетия:

По своей обязанности сторожа я наблюдал, чтобы к батюшке приходили исповедоваться только такие люди, которым он сам назначил. В монастыре долгое время нес епитимью священник Феодор. Раз, во время Филиппового поста, батюшка отец Иона, выходя от исповеди, говорит: “Ступай ты к отцу Феодору, скажи ему, чтоб он рыбы себе не жарил — теперь пост”. Я пошел к отцу Феодору. Прихожу к нему, вижу: он целую селедку нанизал на деревянную длинную спичку и жарит. Я стал говорить: “Батюшка прислал меня сказать, чтобы Вы рыбы не жарили, потому что теперь пост — грешно”. — “О, Господи, — воскликнул отец Феодор, — почем он знал? Ведь меня никто не видел — я только что положил рыбу в печку. Нигде не укроешься от этого человека!”

Жил на станции Славянск Феодор Осипович Сергеенко. Приехав в Киев с женой, тещей и двумя сыновьями, он разыскал меня, отгвел, исповедовался у батюшки и собрался в обратный путь. Придя к отцу Ионе, он сказал, что послезавтра должен ехать. “Нет, еще день

останьтесь.” — “Да не могу я, батюшка, меня со службы уволят.” — “И не уволят, для вас лучше будет. Не ездите завтра, поедете послезавтра.” — “Да не могу я, батюшка, остаться.” — “Не благословляю ехать, не благословляю.” Он пришел ко мне и говорит: “Ну, что мне тут делать? Не хочется лишиться места, и против старца не хочется идти.” — “Уж если вы доверились старцу, — отвечаю я ему, — так делайте, что он скажет, не без оснований же он говорит.” Так он прожил в монастыре лишний день и поехал, а через две недели прислал мне письмо, в котором не находил слов выразить своей признательности старцу. Тот поезд, на котором он должен был ехать, не вернулся в срок, потерпел крушение, и было много убитых. Затем он вскоре прислал мне еще письмо. Он не только не потерпел по службе, но в его хозяйстве за два месяца получился такой доход, какой он раньше получал за целый год.

Был в Одессе купец Иванов. В это время Иванов ослеп так, что не только не мог читать, но и пройти не мог без посторонней помощи. Он был у разных профессоров и всюду получал ответ, что зрение вернуть нельзя. Он наметил себе побывать еще у двух профессоров в Киеве и Москве, и если и они скажут то же, что и прочие, то уже не искать более помощи. Между тем одна старушка, бывшая у отца Ионы, стала уговаривать его посетить в Киеве отца Иону и уверяла, что он возвратит ему зрение надежнее, чем доктора. Он посмеялся над ней — безумная старуха, мол, когда профессора отказываются, что может сделать неученый старый монах?! В Киеве побывал он у профессора, услышал о своем положении тот же приговор и взял извозчика на вокзал, чтобы ехать в Москву. Но тут вспомнил, что старуха говорила ему про старца Иону, и велел извозчику повернуть в Троицкий монастырь, говоря себе: истрачу лишнюю пятерку и лишний день, а узнаю, что скажет старик. Он пробыл в монастыре две недели, и отец Иона давал ему святую воду и святое масло. Воду он принимал по ложечке натошак, а маслом мазал глаза. Отправляя его домой, старец благословил его и сказал: “Бог даст — пройдет. К докторам более не обращайся.” Через неделю он прислал письмо и ящик лимонов и сообщил, что у него слепоты как ни бывало и что видит он хорошо. С тех пор он стал совершенно здоровым, ездил к отцу Ионе и при жизни, и к могиле его ежегодно. И по сей час он прекрасно видит и занимается своим делом.

Был в обители послушник из казачьих полковников, Александр Иванович Ожинов. Жил он внизу около трапезы. Раз батюшка шел к нижнему колодцу и зашел в трапезу. В это время Ожинов принес сюда из своей келии старый хлеб. Хлеб, который оставался у братии, резался, сушился и раздавался богомольцам. Полковник же по лености довел до того, что его хлеб заплесневел и был негоден к употреблению. Увидев полковника с хлебом, батюшка вдруг напал на колодезного послушника, тоже носившего имя Александр. Ударив его палкою, старец произнес: “Не доводи хлеба до плесени; сколько тебе нужно, съешь, а до плесени не доводи”. Послушник же, не оправдываясь в том, что не делал этого, все приговаривал: “Простите, батюшка, никогда не буду”. Между тем слова и наказания старца относились к полковнику. Через несколько времени он пришел к послушнику и, кланяясь ему в ноги, просил у него прощения, а сам потом признавался, что если бы старец не то чтобы наказал его, а сделал суровый выговор, он немедленно ушел бы из монастыря. Мирянам трудно понять мудрость поступка старца. Он, не озлобляя старого человека, довел его до стыда и сознания своей вины и раскаяния, а терпеливому послушнику дал венец за его кротость, крепость и готовность нести наказание, когда не было его вины.

Одним из преданнейших отцу Ионе людей был Сергей Васильевич Керский, управляющий канцелярией Святейшего Синода. Обыкновенно он проводил в монастыре и на монастырских дачах три летних месяца. Однажды, живя в монастырском имении Гусинцах, он разговаривал с отцом Мелетием о старце: “Никого в жизни, — сказал он, — я так не боялся и не боюсь, как отца Ионы, потому что он видит все: не только то, что я делаю, но и

что я думаю”. И он рассказал о своем первом знакомстве со старцем. Однажды в Святейший Синод был послан донос о неблаговидном поведении одного архиерея, и для расследования был послан Керский. Опрашивать ему пришлось тех же лиц, от которых исходил донос. Донос состоял в том, что архиерей находится в связи с одной девушкой и имеет от нее ребенка. По-видимому, все подтвердилось, и по возвращении Керского в Петербург Синод определил уволить архиерея на покой. Архиерей — человек еще молодой (ему не было и сорока лет) — сидел в кресле, когда получил телеграмму об увольнении. От сильного потрясения он тут же внезапно скончался. На Керского известие о смерти архиерея произвело ошеломляющее впечатление; ему казалось, что покойник стоит перед ним не отходя. Он не находил себе покоя и ночью. Та же тень стояла перед ним у кровати. Не будучи в состоянии выносить такого положения, Керский решил обратиться к опытному духовному врачу. Он слышал, что киевский старец Иона дает замечательные советы, и через сутки уже ехал в Киев. Когда он вошел к отцу Ионе, старец встретил его словами: “Почему Вы не заехали ко мне, когда ехали на дознание об епископе?” Так как Керский никому не рассказывал о своем деле, эти слова старца чрезвычайно поразили его, и от волнения, расстроенный нравственным страданием и бессонницей, он лишился чувств и упал.

В течение нескольких дней он беседовал со старцем отцом Ионою, и старец посоветовал ему ехать в тот город и произвести более тщательное и беспристрастное дознание. Что же выяснилось? Архиерей этот был человек очень религиозный и хорошей, чистой жизни. Он имел обычай принимать на благословение всех, кто бы ни обращался к нему, и делиться с бедными всем, что имел. В этом городе дочь одного богатого человека была соблазнена молодым человеком, который потом ее бросил, а она должна была стать матерью. Родители узнали об этом, отреклись от нее и выгнали из дома. Она решила утопиться и под полночь отправилась к реке. Проходя мимо архиерейского дома, она сказала себе: “Зайду-ка, в последний раз приму благословение”. Архиерей принял ее, выслушал ее грустное признание, успокоил и велел устроить ее до утра в доме. Утром он позвал известную ему старушку, поручил ей несчастную девушку и обещал платить за содержание ее и будущего ребенка. Та благополучно родила. Когда ребенку минул год, архиерей захотел видеть его, и молодая мать со старухой принесли младенца. Архиерей поглядел на него, благословил и взял на руки. А злые люди из этой ласки к младенцу, которого он спас от смерти вместе с его матерью, вывели заключение, что это его сын, и клевета пошла расти, пока не задушила этого великого милостивца.

Из рассказов вкладчика Руденко:

Впервые услышал я об отце Ионе от богомольцев в Лавре. Пришел я в Киев пешком. Направили меня в Выдубицкий монастырь. В Выдубицком монастыре я не нашел ничего из того, что мне рассказывали про отца Иону. Переночевал я в Выдубицком и на следующее утро ушел обратно в Лавру. Через два года повстречался я со странником. Он рассказал мне, что по благословию киевского старца Ионы идет в Саров. Я накинулся на него с расспросами про отца Иону, говорил, что не нашел в Выдубицком монастыре ни его, ни его духа и вернулся обратно, не повидав старца. Тогда странник сказал мне: “Да отца Ионы в Выдубицком монастыре нет, а что ты его не нашел — так это выдубицкие монахи скрывают. Ты выйди из Выдубицких ворот — вверх вьется дорожка. Ступай по ней вдоль изгороди из бочечных досочек. Дойдешь до калиточки, над которой висит маленькая иконка, — тут и входи, это и будет монастырь отца Ионы.” Придя в Киев и побывав в Лавре, я на другой же день отправился к отцу Ионе. Дело было к вечеру. Я нашел все, как описывал странник. Когда вошел в калитку, послушник звонил в небольшой колокольчик. Началась вечерня, и

мимо меня в церковь по лестнице вниз из своей келии прошел монах. Не знаю почему, но когда я смотрел на него, сердце мое затрепетало и всего меня обдало жаром. Тут я переночевал, а на следующий день пошел к отцу Ионе на благословение. Передо мной у него были две монашенки, которых он на моих глазах грозно выгнал. Я в страхе подумал: “Он и меня так погонит,” — но он принял меня ласково, взял мою голову в обе руки и велел пожить у него. И прожил я у отца Ионы две недели; тут у него и говел. Исповедь была замечательная, отец Иона напомнил все мои грехи. Иногда произнесет грех, а я стану отрицать, что в этом грешен не был, а он скажет: “Нет, ты подумай,” — и действительно, вдруг вспомнишь из своего прошлого, что был такой грех, да забылся. Приезжал я к отцу Ионе через каждые два года, и на исповеди отец Иона напоминал мне (не вспоминая уже прежних грехов моей молодости) о тех грехах, которые я делал за эти два года.

Началась у нас (это относится, кажется, к 1892 году) холера, которая сильно косила народ. В соседнем селении хоронили человек по 8–15 в день. Мы написали о холере отцу Ионе. Он прислал нам большую жестянку воды, освященного масла и церковного вина. Водой велел окропить весь наш хутор, а масло и вино велел употреблять, если кто заболит: помазывать больного маслом и давать выпить вина. И с тех пор на нашем хуторе не было ни одного холерного случая, хотя мы по случаю молотьбы брали рабочих из холерных местностей. Бывало, что рабочие приходят и рассказывают, сколько у них умерло народу, а у нас, по молитвам отца Ионы, все осталось благополучно.

В последний раз отца Иону я видел за два месяца до его смерти. Когда он узнал о моем приезде, велел позвать иеромонаха Мелхиседека, управлявшего тогда монастырем, и сказал ему: “Вот Алексей должен кончить свою жизнь в обители, так вот смотри, чтоб ты об этом знал и чтоб не обижал его. Я, быть может, помру, а вы его не обижайте.” Лет через пять после смерти батюшки я приехал в монастырь, страшно страдая геморроем. Месяца три промучился я дома и больной приехал в обитель. В монастыре мне дали лошадь и фельдшера и повезли в клинику. Там меня осмотрели и признали, что необходима операция, но я на операцию не согласился, вернулся в монастырь, а затем ездил к одному профессору. Он сказал мне то же самое, а я решил: лучше умру, а операцию себе не позволю. Был я и у четвертого доктора, который давал мне некоторые вспомогательные средства, и я пользовался ими около месяца без всякой пользы. В таком положении я дошел до великой скорби и был в полном отчаянии. Ночью стал раздумывать о том, сколько раз при жизни батюшка утешал меня, может, и теперь мне поможет. Отслужу-ка я панихиду по нему и акафист Божией Матери, а если не поможет, то предамся на волю Божию, но операцию делать не буду и лекарства наутро брошу в келье, где скончался старец. Я отслужил панихиду по нему и акафист Божией Матери, и тут сразу полегчало у меня на душе, пропала моя тоска, стало мне как-то радостно, затихла и болезнь. Без всяких средств боли стали проходить, и вскоре я совсем избавился от мучительного недуга, и он больше не возвращался. Через год после этого я опять был на богомолье в монастыре и решил исполнить совет отца Ионы поселиться в монастыре. Для построения дома мне внутри ограды было отведено место, и весной дом был готов. И вот по благословению и предсказанию отца Ионы я мирно доживаю в его обители свой век.

Из рассказов иеромонаха Анастасия:

Как-то, посылая меня на послушание, отец Иона сказал: “Уезжайте на послушание, проходите послушание Господа ради, чистосердечно, со страхом Божиим, и Божия Матерь Вас за то не оставит и в будущем веке. У Отца нашего Небесного обителей много, и мы должны водвориться в этих обителях.” При этом присутствовал один иеромонах, Нафанаил, который потом умер в схиме с именем Агапит; он сказал мне: “А я эти обители видел,” — и

поведал мне такое видение. Здоровья он был слабого, а послушание нес на кухне: в жаре и чаде. Однажды летом, когда и без того было душно, его как-то особенно потянуло в Гусинцы. Он сказал себе: “Поеду туда, попытаюсь с неделю свежим воздухом,” — и пошел спросить на это позволения старца. Отец Иона ласково принял его и сказал: “Ну, что же, заготовь две смены белья, а завтра рано утром приходи ко мне за деньгами на проезд”. Приняв благословение старца, отец Нафанаил радостно пошел к себе в келию и уснул. И видит он в сонном видении, что вышел он за ворота, а перед ним лес, и по лесу лужайки. Дорога привела его к каким-то воротам. У врат стоят два вратаря-монаха. Они спросили пришельца: “Куда ты идешь?” — “Можно зайти?” — “Можно, — ответили они, — только не ходи далеко.” Один из вратарей пошел за ним, а другой остался у ворот. За вратами он увидел много прекрасных церквей и спросил сопровождавшего вратаря: “Что это за церкви?” — “Это — был ответ — обители тех, кто жил на земле благочестиво и ныне ликует на небе.” Между другими храмами стоял прекрасный пятиглавый храм, и отец Нафанаил спросил: “Чей это храм?” — “Это строится храм для отца Ионы.” — “Можно ли мне войти в него?” — “Нет, теперь нельзя, но придет время и вы все в нем будете жить.” Затем, подивившись красоте этой обители, отец Нафанаил пошел в радостных чувствах назад и тут проснулся.

Сновидение дало ему необыкновенную отраду. Теперь он был готов терпеливо переносить еще более трудные послушания. Его уже не тянуло из монастыря в Гусинцы. В этих чувствах он пошел к старцу, потому что уже было утро. У старца читали утренние молитвы. По окончании их тот вышел к отцу Нафанаилу и прямо спросил его, глядя ему в глаза: “Ну что, все видел?” Отец Нафанаил понял, что старец спрашивает его о ночном видении, точно он сам был там с ним. “Спаси Господи, батюшка, все видел.” — “Ну как же желание твое, поедешь в Гусинцы?” — “Нет, теперь не поеду. Видение облегчило меня, я как бы обновился — вся скорбь моя рассеялась.” — “Так оставайся тут и мирно проходи свое послушание.”

Из рассказов иеромонаха Рафаила:

Под второе июля 1880 года батюшка разговаривал с отцом Феодосием и в разговоре сказал: “Вот посмотрите, что будет через пять-десять лет — все оставят закон Божий и отпадут от веры, а потом через несколько годов опять станут приходить в чувство, обратятся и будут жить по-христиански”.

Послушница Мария Енакиева

передает следующее об исцелении старцем своего доньине здравствующего родственника Ивана Дмитриевича Полозова, живущего в городе Луганске и имеющего там мануфактурную торговлю. Лет двадцать тому назад (ему тогда было тридцать лет) он страдал ревматизмом в ногах так, что ходил на костылях, и доктора не могли ему помочь. Когда он приехал к батюшке (он у него бывал и раньше), то еле дошел до монастыря. Батюшка дал ему святого масла от иконы Троиручицы и просфор и оставил пожить недели две в монастыре. Он растирал себе ноги маслом и совершенно выздоровел. Года через три после этого он приехал к батюшке, прося благословения на послушание в монастыре. Батюшка ответил: “Поезжай домой и посмотри, что будет с тобой через год, и тогда приедешь ко мне”. А через год с ним произошла большая перемена — он захотел жениться. Когда он рассказал об этом старцу отцу Ионе, то тот из двух невест, между которыми он колебался, указал ему на бедную сироту и предсказал, что у них будет семеро детей. Он очень хорошо жил с женой, и было у них семеро детей. Жена умерла в прошлом году. При жизни старца и по его благословению родственник купил дом и жил в нем. Через четыре года по кончине старца ему захотелось купить второй дом, но он очень волновался, что ему не у кого взять благословение, но все-таки купил. Перед переездом в дом после ремонта он сидел раз в зале,

думая, как жаль, что дело это не благословлено старцем, как вдруг видит, что воочию и наяву идет к нему старец и говорит: “Нет тебе благословения жить в этом доме”. Старец сейчас же скрылся, а он был в ужасе. На другой же день началась в городе забастовка, и ему перебили все окна. Он продал дом и тогда успокоился.

Монах Тихон передает:

Когда мне исполнилось пятьдесят лет от роду, у меня разболелись глаза. Я показывался нашему фельдшеру. Потом пошел к батюшке просить благословения сходить к главному доктору. Батюшка взглянул на меня и сказал: “Вам не следует идти к главному доктору, вы прожили только половину своего века”. И старец назначил мне умываться комнатною водою, класть на глаза компрессы из комнатной воды. С ними я засыпал, а просыпаясь, опять смачивал их водою, и так с ними опять засыпал. Эти компрессы я клал только три дня. Потом прихожу к батюшке и объясняю, что мои глаза совершенно здоровы. Батюшка ответил: “Вот хорошо, что не пошел к доктору, а то пошел бы к доктору, мог бы себе еще испортить глаза”. И стали мои глаза такими, какими были в молодые лета, когда я по торговой части служил в Харькове. И доселе я могу нитку в тонкую иглу продевать и не знаю очков. А когда фельдшер, которому я раньше показывал свои глаза, увидел меня, то сказал: “Тогда я не хотел тебя расстраивать, но твои глаза были в отчаянном положении. Ты должен был лишиться зрения.”

Из воспоминаний монахини Мировии, относящихся к последним дням жизни старца:

Последний раз я была у старца на благословении за три дня до его блаженной кончины. В это время старец находился в весьма болезненном состоянии, так что и встать не мог. Я и прочие со мною богомольцы приложились ко Кресту, Евангелию и поклонились болящему старцу, а он только посмотрел на нас. Глаза его были полны слез. Этот умильный вид очень поразил нас, и мы заключили, что последний раз видим старца в живых. Выйдя, мы навзрыд заплакали. Мне казалось, что лучше самой умереть, чем лишиться такого старца-утешителя.

Под девятое января 1902 года после монастырского церковного правила я сидела в коридоре гостиницы на скамеечке близ иконы Божией Матери “Троеручица” и сильно скорбела, что лишаюсь своего старца, и в это время задремала. И тут вижу, что отворяется дверь коридора, выходит батюшка отец Иона и читает по-монастырски молитву: “Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас” — и, обращаясь ко мне, говорит: “Говори: Аминь”. Я сказала: “Аминь”. А он спрашивает меня: “Больная ты? Умираешь?” Я ответила: “Умираю, батюшка, от скорби”. Он опять говорит: “Читай *Верую*...” Я прочитала *Верую*..., а старец все слушал. Когда я окончила, он три раза сказал: “Аминь, аминь, аминь”. А затем говорит: “Расскажи всем знающим тебя и знакомым, что когда кто из них будет унывать, пусть читает *Верую*, то есть “Символ веры”, до конца. Затем велел мне перекреститься, что я и сделала, и пошел от меня. Я слышала сквозь сон, как он шел по коридору, и тут же ударили на полунощницу. Я проснулась, оделась и пошла в церковь.

В двенадцать часов ночи с восьмого на девятое января 1902 года служащий иеромонах начал говорить ектению и поминать строителя обители архимандрита Иону. В это время он никак не мог помянуть его о здравии, а почему-то запинался, и в это же время, как оказалось, отошел ко Господу блаженный старец. Скорби и рыданиям не было конца. Все плакали, так как лишились наставника ко спасению, утешителя в скорбях и исцелителя в болезнях.

Из воспоминаний Кондрата Самойлова, 27 сентября 1927 года:

Батюшка Иона и сейчас жив, в чем я лично удостоверился в 1926 году. Тяжелыми и непосильными работами еще в 1894 году я повредил себе живот, вследствие чего “от этой порухи” чувствовал в животе сильные боли, не поддававшиеся никаким лечением. Видя безуспешность медицины, я поехал в Киев, где, как мне передавали мои киевские соседи, в основанном им же Свято-Троицком монастыре проживал старец-прозорливец отец Иона.

Отец Иона выслушал меня и посоветовал носить бандаж, что я и исполнил. И тут же боль прекратилась. При этом я заметил, что боль прекратилась не столько от бандажа, сколько от молитвенной помощи самого батюшки отца Ионы, потому что по приезде домой я почувствовал, что бандаж мне не нужен, и я его бросил.

Прошло тридцать лет моего доброго здоровья. За это время я еще раз приезжал в Киев с посещением Свято-Троицкого монастыря. В 1923 году я помолился и поблагодарил Господа Бога за свое здоровье. Тогда же я дал Богу обещание посетить и помолиться в сей обители и в следующем, 1924 году, в третий уже раз в своей жизни. Но год прошел, а своего обещания я не исполнил, за что снова заболел той же болезнью, каковою болел тридцать лет назад.

Время проходило, болезнь усиливалась до крайности, а доктора не помогали. Тогда вспомнил я, что самый лучший доктор — это батюшка отец Иона. Семнадцатого апреля 1926 года я, так как сам не мог идти, письменно попросил отца протоиерея Михаила Богословского отслужить по отцу Ионе панихиду. В тот же день отец Михаил, отслужив панихиду, посетил меня сам, утешал, говоря, что молитва по моей просьбе совершена и Господь Бог по молитвам отца Ионы исцелит меня. На другой день на рассвете восемнадцатого апреля в легком сне вижу я спешно проходящего мимо меня батюшку отца Иону, а по сторонам его двух послушников. Послушники были, как слабые тени. Проходя мимо меня, отец Иона остановился, взглянул на меня, слегка улыбнулся и, взяв меня своею правою рукою за пальцы моей правой руки, сказал: “Будь здоров”. Сказав это, он пошел дальше.

Я открыл глаза, но уже никого не было видно. И с того же дня и часа мне стало легче. Теперь я совершенно здоров. И вот только теперь я в третий уже раз прибыл в Киев поблагодарить Господа Бога и благодетеля своего батюшку архимандрита Иону, в схимонасах Петра, за чудные исцеления меня грешного от невыносимых страданий

Из журнала “Русский паломник”, № 35 за 1892 год:

Вот что пишет магометанин Меджид Хаджибиев в газете “Свет”. Вблизи города Екатеринодара Кубанской области расположен черкесский аул Тохтомукай с населением не более двух тысяч душ. Население названного аула подвергалось опустошительному действию холерной эпидемии. Умирало каждодневно около 20-25 человек. Паника была страшная, исхода никакого, ибо врачебная помощь отсутствовала, да и жители аула ее не принимали. В таком положении дело не предвещало ничего хорошего.

Я, житель этого аула — магометанин, — слыша от некоторых своих знакомых русских о святости и силе молитвы архимандрита Киевского Свято-Троицкого монастыря отца Ионы и видя здесь же, в городе Екатеринодаре, примеры исцеления по молитве отца Ионы, 29 июля по телеграфу обратился в Киев, прося святых молитв отца архимандрита Ионы. По телеграфу же последовал крайне милостивый и утешительный ответ о том, что моя просьба принята, что святые молитвы отцом Ионою перед престолом Божиим о спасении аула возносятся, и Господь Бог услышал их. Затем в телеграмме преподается благословение.

Послав телеграмму, я строго следил за происходящим в ауле, ежедневно получая оттуда сведения, и положительно удостоверяю, что со дня посылки этой телеграммы болезненность и смертность заметно уменьшились и продолжают уменьшаться. С августа новых заболеваний в ауле не было, равно как не было ни одной смерти, а оставшиеся больные

выздоровливают. Вот факт благодати Божией по молитве иноземного и иноверного нам, магометанам, русского священнослужителя, совершившийся с моими соплеменниками.

Приложение

Из беседы отца Ионы с братией обители (1879 год)

Слава Богу, ныне благодатью Божьею, помощью Всесвятыя Владычицы нашея Госпожи Богородицы и молитвами всех святых мы сподобились и удостоились совершить первую седмицу священных Четыредесятницы. Слава Богу, помолимся Господу Богу, да сподобит нас, укрепит и поможет нам, отцы и братия, беспорочно, Богоугодно и с пользою для наших душ пройти и все остальное священное поприще святого поста. Ныне же хочу вам напомнить отчасти начаток нашего делания.

Все мы собраны здесь Божественным благоволением и таинственным гласом и вдохновением Всесвятого Духа, действующего в нас и согревающего наши сердца, души и помышления духовным пламенем Божественной любви. Будучи объатыми ею, мы презрели, омерзили и отринули от себя всю красоту, сладость, честь и славу сего мира, как мерзость, тленность и непотребство — и не только это, но и самих близких нашему сердцу людей: родителей, братьев, сестер и любимых друзей. Также оставили свои дома и весь свой род по плоти. Мы сотворили все сие ради возлюбившего нас Господа, искупившего нас от клятвы законныя. И единственно ради любви к Нему, Всесладчайшему, Вселюбезнейшему, нескверному Агнцу и Жениху, бессмертному Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, совершенно предались Ему, соизволили идти Ему во след и, аще возможно, то и умереть ради Него.

И ни о чем другом нисколько не рассуждали: долго ли будем терпеть ради Него или мало, горько ли будем жить или сладко, но только одно имели в своем уме: жить ради Него, трудиться, хранить себя, а также со сладостью и радостью терпеть все находящее на нас — и все только для того, чтобы послужить и благоугодить Ему, а также неразлучно пребывать с Ним в нескончаемые веки. Сие твердо и совершенно имели мы в памяти сердца нашего. И все священные законы, правила, предания, заветы Священного Евангелия, святых Апостолов и святых отец мы имели сладкой пищею, питием и самою жизнью. От них наша душа и сердце наполнялись радостью и веселием, и тогда все, бывшее до этого тяжким, становилось легким... Все сие каждый из нас весть и хорошо знает.

Ныне же, возлюбленные о Господе отцы и братья, призванные в сие святое место Самим Господом и оставшиеся здесь единственно ради любви ко Господу Богу нашему, вознерадим ли, расслабим ли себя и разленимся ли? Нет, возлюбленные о Господе, станем крепче, мужественно и будем со сладостью терпеть ради Господа козни и сети злоковарного диавола, старающегося помешать нам шествовать спасительным и благоприятным Господу путем... Отвергнем козни, сети, коварство и всю лесь сатаны, не устрашимся его и не смутимся от его ухищрений. Аще Господь с нами — кто на ны? Послужим Богу, братия и отцы, да будем чистым орудием Божественных дел и Его священной воли. Да славится Господь Бог Вседержитель в нашем чистом и Богоугодном житии, в наших делах, словесах и помышлениях. Да служит каждый из нас искреннему своему благою совестию, нравом и делами. Советуйте и укрепляйте один другого в благом жительстве и Богоугодных делах, да не ослабеет и не оскудеет кто, изнемогая в трудах, подвигах и самой любви к Богу.

И аще преуспеваем во благом жительстве и делах — да не высокоумствует никто, ибо рече Спас: “Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное” (Мф. 5, 20). И всякая правда ваша аки рубище, поверженное на гноищи. Сего ради мы всегда должны во всем смиряться, ища молитв и помощи от других, а не надеясь на себя. Божественный же Апостол рече: “Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие” (Деян. 14, 22).

Возлюбленные о Господе! Служение наше да будет чисто и беспорочно пред Господом, и да истинно послужим Богу нашему, возлюбившему нас, в ближнем нашем — сиречь в человецех, каждый щадя и храня один другого. Если возможно, послужим всем людям, приемля всякого и прилежно служа брат брату, ради Божественной любви, умывая его, врачуя, возливая на него масло и вино и исцеляя все его язвы. Не будем гнушаться его сквернами ради пострадавшего за Него и искупившего его Своею священою Кровию Господа Иисуса Христа.

Да не уподобимся, братья и отцы, тем, которые прошли мимо уязвленного: священнику и левиту, но уподобимся оному самарянину и попечемся об уязвленном, послужим ему, врачуя и исцеляя его язвы — будь они даже смертоносными. Послужим, братья, послужим, любимцы мои о Господе, да прославим в делах наших Господа Бога Вседержителя, да послужим Богови в человецех и сим выскажем свою благодарность Ему. И аще будем так поступать — Всеблагий Бог благоизволит влить в наши сосуды благодать Всесвятого Духа...

Станем мужественно, станем с благоговением и непрестанным памятованием о Боге противу всех козней диавольских, плотских и душевных страстей, суетных и ложных помыслов, приносимых нам от диавола. Будем уповать на Господа Бога нашего, и так пребудем с Богом нашим во веки всенеразлучно. Аминь.

Оглавление

<u>ВСТУПЛЕНИЕ</u>	1
<u>ЧАСТЬ ПЕРВАЯ</u>	3
<u>ПРИУГОТОВЛЕНИЕ</u>	3
<u>Детство и юношество</u>	3
<u>Первые подвиги</u>	3
<u>В Белобережской пустыни</u>	5
<u>ЧАСТЬ ВТОРАЯ</u>	8
<u>ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВОЛЕ БОЖИЕЙ</u>	8
<u>Первое посещение Божией Матери</u>	8
<u>Второе посещение Божией Матери</u>	10
<u>Третье посещение Божией Матери</u>	11
<u>ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ</u>	13
<u>ПОДЧИНЕНИЕ ВОЛЕ БОЖИЕЙ</u>	13
<u>Приход в Киев</u>	13
<u>В Никольском монастыре</u>	13
<u>Двойное чудо с диаконом Флавианом</u>	13
<u>На Крымской войне</u>	14
<u>В Братском и "Греческом" монастырях</u>	17
<u>Начало новой обители</u>	18
<u>В Выдубицком монастыре</u>	19
<u>Посещение Божьей Матерью 1 марта 1861 года</u>	21
<u>Посещение Божьей Матерью 9 марта 1962 года</u>	24
<u>ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ</u>	26
<u>СКОРБИ, ИСПЫТАНИЯ И ИХ ПЛОДЫ</u>	26
<u>Обитель Святой Троицы</u>	26
<u>История чудотворной иконы</u>	28
<u>Принципы новой обители</u>	29
<i><u>Второй отрывок из письма к обер-прокурору Святейшего Синода</u></i>	
<i><u>Константину Петровичу Победоносцеву</u></i>	30
<u>Развитие обители</u>	31
<u>Скорби старца Ионы</u>	34
<u>Посещение преподобным Сергием Радонежским</u>	34
<u>Видение небесной обители</u>	36
<u>Последние дни старца и его блаженная кончина</u>	39
<u>Последующая история обители</u>	40
<u>ЧАСТЬ ПЯТАЯ</u>	41

<u>РАССКАЗЫ О СТАРЦЕ ИОНЕ РАЗНЫХ ЛИЦ</u>	41
<u>ПРИЛОЖЕНИЕ</u>	58
<u>Из беседы отца Ионы с братией обители (1879 год)</u>	58
<u>ОГЛАВЛЕНИЕ</u>	60